

От автора романа «ТАЙНА МОЕГО МУЖА»

Смешная и романтическая книга,
заставляющая задуматься.

Marie Claire

Что забыла Алиса

Неужели
потеря
памяти –
лучшее,
что
случилось
с ней
в жизни?

и

Лиана Мориарти

Annotation

Это может случиться с каждым из нас! Несчастный случай – и вы внезапно теряете память.

Однажды в спортзале Алиса потеряла сознание и, придя в себя, обнаружила, что не помнит последние десять лет своей жизни. Родным с трудом удается убедить ее, что ей уже не двадцать девять лет, что у нее трое детей и что ее обожаемый муж Ник больше не живет с ней, и сейчас они оформляют развод. Но самое неприятное для Алисы открытие – это она сама: ей сорок лет, она стерва и ее никто не любит. Глядя на свою нынешнюю жизнь глазами себя десятилетней давности, Алиса пытается что-то исправить, главным образом отношения с мужем: она ведь помнит только то, как они любили друг друга. Удастся ли ей это?..

Впервые на русском языке!

Лиана Мориарти
Что забыла Алиса

Посвящается Адаму

Раскинув руки, она покоилась на ласковой глади воды и вдыхала летний запах соли и кокоса. Во рту было ощущение сытного, вкусного завтрака – бекона, кофе и, наверное, круассанов. Она чуть приподняла подбородок, и яркие блики солнца на воде заставили ее прищуриться, чтобы разглядеть собственные ноги. Ногти на них были выкрашены в разные цвета – алый, золотой, сиреневый... Прикольно. А накрасили плохо – неровно, комками. Кто-то нежился на воде рядом с ней. Кто-то, кого она любила, кто умел ее рассмешить. Неясная фигура пошевелила ногой с точно так же покрашенными разноцветными ногтями, посылая дружеское приветствие, а ее тем временем одолевала сладкая дремота. Издалека послышался мужской голос: «Марко?» – и в ответ ему зазвенели детские голоса: «Поло!» Мужской голос повторил три раза: «Марко, Марко, Марко?» – и детские голоса ответили трижды: «Поло, Поло, Поло!» Засмеялся ребенок; звук тянулся, булькал, как будто где-то пускали цепочку мыльных пузырей. «Алиса!» – позвал кто-то прямо в ухо, спокойно и настойчиво. Она чуть откинула голову назад, чтобы прохладная вода спокойно сомкнулась над ее лицом.

Перед глазами заплясали крошечные светлячки.

Что это? Сон? Воспоминание?

– Не знаю! – взволнованно сказал кто-то. – Я не видела, как это случилось!

И для чего завязывать спортивные штаны узлом?

То ли сон, то ли воспоминание исчезло, как отражение на воде, в голове закружились обрывочные мысли, точно она пробуждалась от долгого, глубокого сна, какой бывает, если разоспишься в субботу утром.

Сливочный сыр – это все равно что мягкий сыр?

Не твердый...

Не твердый, нет...

Если рассуждать логически, ты...

Нечто.

Нечто логическое...

Лаванда ласковая...

Логически ласковая...

Черносливом пахнет вместе с лавандой, точно!

Чувствую запах лаванды.

Не чувствую...

Нет, чувствую...

Вот тогда она в первый раз и ощутила головную боль. Одну сторону головы просто ломило, словно по ней шарахнули молотком.

Мысли прояснились. И с чего это голова так разболелась? Ее никто не предупреждал, что голова может болеть. Она уже заучила наизусть весь список симптомов, к которым нужно быть готовой: изжога, металлический привкус во рту, головокружение, ненормальная утомляемость, но только не головная боль, стучащая, как молот, по одной стороне головы. А зря ее туда не включили – оказалось, что она прямо терзает. И конечно, если она не сумеет справиться с таким пустяком, как головная боль, что ж тогда...

Запах лаванды становился то сильнее, то слабее, будто легкий ветерок то поднимался, то

снова утихал.

Она почувствовала, как ее опять уводит куда-то.

Лучше всего сейчас было бы снова заснуть и увидеть тот чудесный сон, где вода и разноцветные ногти на ногах.

А может, ей и говорили об этой самой головной боли и она просто забыла? Боже ты мой, да говорили, конечно! Головные боли, точно! Сильнейшие! Супер...

И сколько всего не забыть... Мягкий сыр, копченый лосось, суши – ни под каким видом; есть риск подхватить болезнь, о существовании которой она и понятия не имела. Листерия... Это такая бактерия. Очень вредная для дитяти... Вот почему тебе нельзя ничего доедать. Откусишь от вчерашней куриной ножки – и все, ребенку конец. Тяжкое бремя родительских обязанностей...

Заснуть бы... И больше ничего не надо...

...Листерия...

Вистерия...

Вистерия на боковом заборчике будет выглядеть просто потрясно, если только соберется зацвести.

Листерия-вистерия... Смешные названия...

Она улыбнулась, хотя голова у нее просто трещала. Но виду подавать не хотелось.

– Алиса, вы меня слышите?

Снова сильный запах лаванды, от него даже подташнивает...

Сливочный сыр хорошо размазывается... Не жесткий, не мягкий – самое оно... Как игрушечный медведь.

– У нее веки дрожат, как во сне.

Бесполезно. Сон никак не шел, хотя она чувствовала страшную усталость и казалось, вот-вот заснет без задних ног. Неужели у всех беременных точно так же болит голова? Это что, природа так готовит к родовым болям? Вот она поднимется и обязательно пороеется в какой-нибудь книжке для будущих мамаш.

Она всегда забывала, что боль может разом вывести из строя. Жестокая, она бьет сразу по всем чувствам. Ну утихни же, ну перестань, ну пожалуйста... Укол прямо в голову – вот что сейчас поможет. Один, от головной боли, пожалуйста... Вот и прекрасно. Спасибо...

– Алиса, откройте глаза!

А сливочный сыр – это, вообще-то, сыр? Ведь на сырной тарелке его никогда не бывает. Может, его просто называют сыром, а на самом деле это и не сыр вовсе... Она не стала бы спрашивать об этом врача – не хотелось услышать в ответ «Алиса, ну что вы!».

Лежать было неудобно, точно под ней не матрас, а холодная бетонная плита. Если потянуться, можно потолкать Ника ногами, чтобы во сне он повернулся, по-медвежьему обнял ее и прижал к себе. Ее грелка на все тело...

Где Ник? Встал? Может быть, чай ей делает...

– Алиса, не шевелитесь. Лежите спокойно, попробуйте-ка открыть глаза...

Элизабет должна знать насчет сливочного сыра. Она высокомерно фыркнет, как положено старшей сестре, и точно ответит. Мама, конечно, скажет, что понятия не имеет. Она страшно удивится и скажет: «Что ты, милая! Ну конечно, я ела сливочный сыр, когда носила вас обеих. Тогда этим никто голову не забивал». Она говорила бы и говорила, волнуясь, как бы Алиса чего не нарушила. Мама свято верила в правила. Впрочем, и сама Алиса тоже. Фрэнни не знала ответа, но она гордо включила бы свой новый компьютер,

чтобы помочь точно так же, как давным-давно вместе с Алисой и Элизабет рылась в «Британской энциклопедии», чтобы помочь с уроками.

Голова болела уже по-настоящему.

По сравнению с родовыми болями это, может быть, конечно, ерунда. Так что это было просто здорово.

Что-то она не помнила, чтобы ела этот самый сливочный сыр.

– Алиса? Алиса!

Да в жизни она не любила сливочный сыр!

– «Скорую» вызвали?

Снова пахнуло лавандой.

Как-то, когда они отстегивали ремни в машине, Ник, держась за ручку двери, сказал ей в ответ: «Дурочка ты смешная... Сама же знаешь, что я с ума по тебе схожу».

Она открыла дверцу машины, ощутила тепло солнца на ногах, услышала запах лаванды, которую посадила у входа.

С ума схожу...

Тот блаженный миг, запах лаванды после поездки в магазин за продуктами...

– Едет уже! Я три нуля набрала! Первый раз в жизни три нуля набрала! Ой, мне так стыдно было – чуть девять-один-один не вызвала, как в Америке! Уже стала на девятку нажимать... Вот что значит – сериалов насмотрелась!

– Ой, только бы ничего серьезного... На меня ведь не за что в суд подавать, правда же? Ну не такая уж сложная у меня хореография!

– А по-моему, заключительное вращение было уже лишним – голова и так кружится после обратного переворота и двойного подъема.

– Так это же продвинутый уровень! Сделаешь занятие полегче – сразу жалобы. Я ведь разные варианты предлагаю! Для разной подготовки разные занятия. Ну что ни сделаешь – все не так!

Что это? Прямой эфир на радио? Она терпеть их не могла. Слушатели звонят всегда сердитые и всегда почему-то гнусавые. И вечно их что-нибудь потрясает. Алиса заметила как-то, что вот ее никогда и ничего не потрясает. Элизабет ответила: «Потрясающе!»

Не открывая глаз, она произнесла: «Ник, выключи радио, а? У меня так болит голова!» Вышло как-то сердито, не похоже на нее, но как-никак она ждала ребенка, у нее болела голова, ей было зябко и вообще... не по себе.

Может, это утренняя тошнота?

Но разве сейчас утро?

Алиса...

– Алиса, вы меня слышите? Вы слышите меня, Алиса?

Орешек, ты меня слышишь? Ты слышишь меня, Орешек?

Каждый вечер перед сном Ник приставлял к животу Алисы трубку из-под рулона туалетной бумаги и говорил с ребенком. Эту идею он позаимствовал в каком-нибудь радиошоу, где утверждалось, что так ребенок научится распознавать отцовский голос наравне с материнским.

– Алло! – начинал он. – Ты слышишь меня, Орешек? Это твой родитель!

Они прочли, что в это время зародыш становится размером примерно с небольшой орех, и стали называть так своего ребенка. Конечно, только между собой. На людях будущие родители были вполне серьезны и не допускали никаких сюсюканий.

Орешек благодарил папочку, отвечал, что в общем у него все хорошо, только чуть-чуть скучновато. Ему, конечно, хотелось бы, чтобы мама перестала наконец жевать силос и для разнообразия побаловалась бы пиццей. «Хватит питаться как кролик!» – требовал он.

Скорее всего, Орешек был мальчиком. Очень уж по-мужски он держал себя. Маленький проказник – в этом они оба были согласны.

Алиса в это время лежала на спине, так что ей была видна макушка Ника, на которой уже начинала серебриться седина. Она не знала, знает ли он сам об этом, и потому молчала. Ему было тридцать два года. От этих седых волосков на глаза у нее наворачивались слезинки. Впрочем, это были фортели гормональной системы, обычные при беременности.

Алиса никогда не говорила с ребенком вслух. Она вела с ним мысленные разговоры, когда лежала в ванне (не слишком горячей – вот еще одно правило). «Привет, маленький», – думала она, и это чудо вызывало в ней такой прилив радости, что она шлепала ладонями по воде, точно маленькая девочка в предвкушении Рождества. Ей было под тридцать, на ней висела громадная ипотека, у нее имелся муж, скоро ожидался ребенок, а ощущения у нее были почти такие же, как в шестнадцать лет.

Только тогда она не знала блаженного счастья после поездки в магазин. В ее жизни не было Ника. На ее сердце еще не было ран, которые Ник сумел залечить самыми простыми словами: «Я с ума по тебе схожу».

– Алиса, что с вами? Откройте глаза!

Говорила женщина. Голос у нее был очень громкий и очень скрипучий – не хочешь, а будешь слушать. Этот голос возвращал ее в сознание и уже не отпускал обратно.

От него у Алисы начался знакомый противный зуд, какой бывал от туго натянутых чулок.

И как эта женщина оказалась в ее спальне?

Она повернула голову набок, протяжно ахнула и подняла веки.

Перед глазами расплывались фигуры непонятных цветов. Она не могла разглядеть даже прикроватную тумбочку, где лежали очки. Зрение ухудшалось – это точно.

Она заморгала и, как будто в телескопе, навела резкость. Перед ней оказались чьи-то колени. Интересно...

Белые колени в бугорках.

Она чуть приподняла подбородок.

– Вот и хорошо!

Кто бы мог подумать – колени принадлежали Джейн Тёрнер, которая работала с ней вместе. Лицо Джейн горело, к потному лбу прилипли пряди волос. Глаза смотрели устало. Шея у нее оказалась рыхлая, короткая; раньше Алиса этого как-то не замечала. На Джейн были шорты, майка в кругах от пота, а руки у нее были тонкие, белые, в темных крапинках. Алиса никогда еще не видела так много открытого тела Джейн. Неудобно как-то... Бедная старушка Джейн.

– Листерия-вистерия, – выговорила Алиса, пытаясь пошутить.

– Ты бредишь! – сказала Джейн. – Лежи, не нужно садиться.

– Угу, – ответила Алиса. – Не хочу я садиться.

Ей казалось, что она лежит не в кровати. Ощущение было такое, что она вытянулась во весь рост на холодном ламинированном полу. Она что, пьяна? Забыла, что беременна, и напилась до потери сознания?

Ее гинеколог был весьма галантным мужчиной, с неизменной бабочкой, круглолицый, неуловимо похожий на бывшего приятеля Алисы. Как он говорил, в рюмке аперитива и

стакане вина за обедом не было ничего предосудительного. Алиса, не разобравшись, что такое аперитив, подумала, что это какой-то вид напитка («Алиса, ну что ты!» – заметила на это Элизабет). Ник объяснил, что аперитив подают перед обедом. Так было заведено в семье Ника. В семье же Алисы запыленная бутылка «Бейлиса» могла завалиться где-нибудь в кладовке, за жестянками со спагетти. С тех пор как подтвердился тест на беременность, Алиса позволила себе лишь полбокала шампанского, не слушая врача и тех, кто твердил, что ничего такого в этом нет.

– Где я? – спросила Алиса, со страхом ожидая ответа.

В каком-нибудь третьесортном ночном клубе? Как объяснить теперь Нику: совсем вылетело из головы, что она ждет ребенка?

– В спортзале, – ответила Джейн. – Ты потеряла сознание. У меня чуть сердце не выскочило, хоть я даже обрадовалась: есть повод остановиться.

Спортзал? Ни в какие спортзалы Алиса не ходила. Как это так – пьяная... в спортзале...

– Вы потеряли равновесие, – трещал веселый голос. – А потом как шлепнулись! Всех перепугали – ну точно как вареная сарделька! Ничего, мы вызвали «скорую», так что не волнуйтесь, профессионалы спешат на помощь!

Рядом с Джейн на коленях стояла тоненькая, шоколадно-загорелая девушка, с обесцвеченными волосами, затянутыми в конский хвост, в блестящих шортах из лайкры и очень коротко обрезанной красной майке с надписью «Безумный степ». В Алисе шевельнулась смутная неприязнь к этой девице. Ей не понравилось, что та обозвала ее «вареной сарделькой». Это ущемило ее достоинство. Если верить сестре Элизабет, у Алисы был недостаток: склонность принимать себя слишком всерьез.

– Мне стало нехорошо? – с надеждой спросила Алиса.

С беременными женщинами такое бывает. Раньше с ней этого не случалось, хотя в четвертом классе она упорно практиковалась, очень надеясь, что, как некоторые счастливицы, лишится чувств прямо во время церковной службы и мистер Гиллеспи, школьный физкультурник, поднимет ее обмякшее тело своими сильными руками.

– Понимаете, я в положении, – сказала она.

И подумала: «Сама ты вареная сарделька».

– Алиса, боже мой... – У Джейн, что называется, отвисла челюсть. – Не может быть!

– Ну, дорогая моя, я же сразу спросила, есть ли беременные. – Девушка в майке поджала губы, будто увидела, как Алису тошнит. – Не нужно было стесняться. Я бы тогда предложила поменять программу!

Что-то глухо стучало у Алисы в голове. Казалось, все кругом порют несусветную чушь.

– В положении! – повторила Джейн. – Теперь! Ужас просто!

– Никакой не ужас. – Алиса прикрыла живот рукой: как бы Орех не услышал и не обиделся.

Что там у них с деньгами – до этого Джейн не должно было быть никакого дела. Люди, по идее, должны радоваться, когда ты объявляешь, что беременна.

– Ну и что же ты будешь дальше делать? – продолжила Джейн.

Достала!

– Что? Как это – что? Ждать ребенка. – Она потянула носом. – От тебя пахнет лавандой. Я же чувствовала: откуда-то пахнет лавандой.

От беременности ее обоняние необычайно обострилось.

– Это мой дезодорант, – ответила Джейн.

В ее лице что-то изменилось. Было очень заметно: что-то не так с глазами. Может, ей пора начать пользоваться кремом для век.

– Джейн, как ты себя чувствуешь?

– Я-то нормально, – усмехнулась Джейн. – О себе лучше думай. Это ведь ты, беременная, грохнулась тут в обморок.

Ребенок! Она, эгоистка, переживала за свою дурацкую голову, а надо было волноваться за маленького бедняжку Орешка. Что же она будет за мать такая?

– Надеюсь, с ребенком ничего не случилось, – произнесла она вслух.

– Ну, я бы не волновалась: дети – народ крепкий.

Это сказала еще какая-то женщина. Первый раз Алиса подняла глаза и увидела над собой целую толпу раскрасневшихся женщин средних лет, одетых по-спортивному. Кто-то склонился, разглядывая ее с любопытством свидетеля дорожной аварии, а некоторые, уперев руки в бока, беззаботно трещали, будто на вечеринке. Казалось, они были в какой-то длинной, освещенной флуоресцентными лампами комнате. Откуда-то издалека неслась резкая, отрывистая музыка, металлические щелчки и внезапный взрыв громкого мужского хохота.

– Вообще-то, если вы беременны, не нужно было делать упражнения с нагрузкой на ноги, – заявила еще какая-то женщина.

– Но я не делала никаких упражнений, – ответила Алиса. – Наоборот, мне нужно больше заниматься.

– Милая девочка, ты уже назанималась – дальше некуда, – сказала Джейн.

– Не понимаю, о чем ты. – Алиса обвела глазами незнакомые лица. Как-то все это было... глупо. – Не понимаю, где я.

– У нее, может быть, сотрясение, – взволнованно произнес кто-то. – При сотрясении обычны заторможенность реакций и дезориентация.

– А вы что, врач, что ли?

– В школе проходила курс первой помощи. Я точно помню эту формулировку: «заторможенность реакций и дезориентация». Нужно проверить, не сдавлен ли головной мозг. Это очень опасно.

Перепуганная девушка в обрезанной майке погладила руку Алисы и громко произнесла:

– Миленькая, хорошенькая, у вас, кажется, небольшое сотрясение.

– Но не оглохла же она! – отрубил Джейн и склонилась к Алисе. – Не переживай. Сегодня пятница, ты в спортзале, занималась степом. Помнишь, как ты упорно старалась затащить меня сюда? Правда, я так и не понимаю, что в нем такого особенного. В общем, ты грохнулась во весь рост и ударилась головой. Ничего с тобой не случится. Но вот почему ты не сказала мне, что беременна?

– Пятница? – озадаченно спросила Алиса. – Каким степом?

– Ой, беда! – взволнованно отозвалась Джейн.

– «Скорая» приехала! – крикнул кто-то.

Девушка в обрезанной майке точно поглупела от радости. Она вскочила на ноги и, словно энергичная хозяйка со шваброй в руке, закричала на женщин:

– Расходимся, расходимся! Чего столпились?

Джейн, все еще стоя на коленях рядом с Алисой, похлопывала ее по плечу, чтобы успокоить, но вдруг перестала хлопать и сказала:

– Ну ничего себе!

Алиса повернула голову: к ним приближались два красавца в голубых медицинских костюмах и с аптечками первой помощи в руках. Ей стало неловко, и она попробовала сесть.

– Лежите, лежите, – произнес тот, что повыше.

– Джордж Клуни, копия! – выдохнула Джейн прямо ей в ухо.

И правда: он был точно брат-близнец актера. Алисе сразу же стало веселей, как будто она проснулась в эпизоде из сериала «Скорая помощь».

– Здравствуйте, – произнес «Джордж Клуни», присев рядом с ними на корточки и зажав ладони коленями. – Как вас зовут?

– Джейн, – откликнулась Джейн. – А это... это Алиса.

– Алиса, а ваше полное имя? – обратился к ней «Клуни», осторожно обхватил ее руку и двумя пальцами нащупал пульс.

– Алиса Мэри Лав.

– Стукнулись немножко, да, Алиса?

– Похоже что так. Не помню.

Алиса готова была расплакаться и чувствовала себя как-то особенно, как всегда, когда говорила с медиками, пусть даже с аптекарями. Зря мама так тряслась над любой их с сестрой детской болячкой, вот они с Элизабет и выросли страшно мнительными.

– Вы понимаете, где находитесь? – спросил ее «Клуни».

– Не очень, – призналась Алиса. – В спортзале, по-моему.

– Она упала на занятиях степом, – пояснила Джейн и поправила под топом бретельку бюстгалтера. – Я все видела. Она делала превосходное сальто назад, сильно ударилась головой о пол и минут десять пробыла без сознания.

Девушка в обрезанной майке снова появилась, болтая забранными в хвост волосами. Алиса увидела прямо перед собой длинные гладкие ноги и живот, плоский и твердый до того, что он выглядел не по-настоящему.

– Мне кажется, она несколько отвлеклась, – обратилась она к «Клуни» тоном профессионала, говорящего с коллегой. – Никогда не советую это занятие беременным. Я заранее спросила, есть ли беременные в зале.

– Алиса, сколько у вас недель? – спросил «Клуни».

Алиса собралась ответить и с удивлением ощутила, что в голове у нее как будто провал.

– Тринадцать, – ответила она и поправилась: – То есть нет... Четырнадцать. Четырнадцать, да.

Не меньше чем две недели назад ей делали ультразвуковое обследование, которое проводится на двенадцатой неделе. Орех слегка подпрыгнул, как танцор диско, которого толкнули в спину, и потом Ник с Алисой повторяли это его движение для всех подряд. Все вежливо говорили, что это здорово.

Она снова положила руку на живот и только сейчас заметила, что на ней надето. Кроссовки, белые носки... Черные шорты, желтый облегающий топ с блестящим стикером из золотой фольги. Это был, кажется, динозавр, у которого из пасти выходил шарик с надписью «Крутись-вертись». Крутись-вертись?

– Чья это майка? – обиженным голосом спросила она Джейн. – У меня такой нет.

Джейн многозначительно посмотрела на «Клуни».

– Тут какой-то динозавр на майке, – растерянно пояснила Алиса.

– Алиса, а какой сегодня день недели? – спросил «Клуни».

– Пятница.

На самом деле она этого не помнила – просто ухватилась за слова Джейн. Пятница так пятница...

– Что вы ели на завтрак? – задал «Клуни» следующий вопрос, осматривая ее голову.

Тем временем один из бригады наложил ей на руку манжету, другой накачал, чтобы проверить давление.

– Тост с арахисовым маслом?

Так она всегда и завтракала. Беспроигрышный вариант!

– Он не знает, что вы ели на завтрак, – вклинилась Джейн. – Он хочет просто понять, помните ли вы это.

Манжета тонометра сильно сжала руку Алисы.

– Ну-ка, Алиса, рассмешите меня! – попросил «Клуни», опустившись на корточки. – Как зовут нашего достославного премьер-министра?

– Джон Говард, – послушно откликнулась Алиса, надеясь, что на этом разговор о политике закончится.

В ней она никогда не была сильна, и удивить ее чем-нибудь политическим было проще простого.

Джейн саркастически хмыкнула.

– Ой... Но ведь премьер-министр вроде пока он... – в ужасе проговорила Алиса.

Теперь ее окончательно задразнят! «Алиса, да ты что, как зовут премьер-министра, не знаешь! На выборы-то ходила?»

– Да, точно, он!

– А какой теперь год? – спокойно поинтересовался «Клуни».

– Девяносто восьмой, – твердо ответила Алиса.

В этом она была совершенно уверена: ребенок должен был появиться на свет в следующем, девяносто девятом.

Джейн прикрыла рот ладонью. «Клуни» все говорил, но она остановила его, положила другую ладонь на плечо Алисы и воззрилась прямо на нее. Глаза у нее широко раскрылись от возбуждения. На кончиках ресниц повисли комки туши. От нее исходил убийственный смешанный запах лаванды и чеснока.

– Алиса, сколько вам лет?

– Двадцать девять, – отозвалась Алиса, раздраженная ее повышенно драматическим тоном. На что это она вздумала намекать? – Сколько и вам.

Джейн откинулась назад, метнула на «Клуни» торжествующий взгляд и сказала:

– Я приглашена на банкет по случаю ее сорокалетия.

В тот день Алиса Мэри Лав, отправившись в спортзал, беспечно потеряла там десять лет своей жизни.

Джейн сказала, что, конечно, поедет с ней в больницу, но в два часа ей нужно быть в суде.

– Зачем тебе в суд? – спросила Алиса, радуясь, что Джейн не нужно туда везти.

Для одного дня этого было более чем достаточно. Приглашение на банкет по случаю ее сорокалетия... Что бы это значило?

Джейн странно улыбнулась и не стала отвечать.

– Я позвоню, чтобы кто-нибудь подъехал в больницу и подождал тебя, – предложила она.

– Не «кто-нибудь», – возразила Алиса, глядя, как бригада раскладывает носилки. – Пусть Ник приезжает.

– Ну конечно же, я позвоню Нику, – четко, разборчиво произнесла Джейн, как будто участвуя в детском спектакле.

– Знаете, по-моему, я могу идти сама, – обратилась Алиса к «Клуни».

Она не любила, когда ее поднимают, – это относилось и к Нику, хоть он и обладал недюжинной силой. А все из-за веса. Что, если санитары разворчатся и сделают недовольные лица, когда, как такелажники, будут ворочать носилки с ней?

– Я хорошо себя чувствую. Вот только голова...

– У вас приличное сотрясение, – сказал «Клуни». – С повреждениями головы шутки плохи.

– Самое приятное в нашей работе – носить на носилках интересных женщин, – сказал санитар. – Не лишайте нас удовольствия.

– Вот именно, Алиса, не лишай их удовольствия! – подхватила Джейн. – У тебя повреждение мозга. Ты говоришь, что тебе двадцать девять лет.

Да что же это такое?

Алиса легла на спину, чтобы два санитар сумели уложить ее на носилки. Когда голова откинулась набок, стало так больно, что перед глазами поплыли круги.

– Вот, не забудь. – Джейн сходила за рюкзаком Алисы и втиснула его между боком больной и краем носилок.

– Это не мой, – возразила Алиса.

– Да нет же, твой!

Алиса озадаченно смотрела на красный холщовый мешок. На нем в ряд были наклеены три динозавра – точно такие же, как у нее на майке. Заболела она, что ли?

Санитары подняли носилки. Казалось, нести их им не составляет никакого труда. Она подумала: такая работа – носить людей всех габаритов.

– На работу! – вдруг вскинулась она. – Позвони лучше на работу! Почему мы не на работе – сегодня же пятница?

– Понятия не имею! Действительно, а почему же мы не на работе? – повторила Джейн тем же нарочитым голосом. – Но ты не волнуйся! Я сначала позвоню Нику, а потом на работу. А на работу – это куда? В АБР «Брикс»?

– Да, Джейн, именно туда, – терпеливо отозвалась Алиса.

Они работали в АБР уже почти три года. Что это у бедняги с головой?

– Скажи Сью, что меня сегодня не будет, – попросила Алиса.

– Сью... – эхом откликнулась Джейн. – Это Сью Мейсон?

– Да, Джейн, Сью Мейсон.

Ну точно – ку-ку!

Сью Мейсон была их начальницей, просто помешанной на пунктуальности, медицинских сертификатах и строгом рабочем стиле в одежде. Алиса не могла дождаться, пока начнется декретный отпуск, лишь бы избавиться от всего этого.

Алиса видела, как Джейн смотрит им вслед. Она зажала пальцами нижнюю губу, отчего стала похожей на рыбу.

– Скорее поправляйтесь! – крикнула девушка в обрезанной майке с помоста в дальнем конце зала; микрофон, укрепленный на голове, усилил ее голос.

Когда носилки оказались у дверей, грянула ритмичная музыка. Алиса оглянулась: девушка начала быстро подниматься на низкую пластмассовую платформу и спускаться с нее. Женщины, которые только что толпились вокруг Алисы, старательно повторяли на своих платформах ее движения.

– Продолжаем, девушки! Все в исходное положение, чуть согнули колени – и... «родео»!

Все дружно прыгнули на платформы и закрутили над головой воображаемыми лассо.

Ну и ну... Только бы не забыть ничего из этого сумасшедшего дня, все-все рассказать Нику. Надо будет показать ему «родео». Он, конечно, скажет, что это отвратительно. М-да... весь день коту под хвост.

Правда, чуть-чуть страшно. Что же все-таки она делала с Джейн Тёрнер в спортзале и почему это Джейн ведет себя как ненормальная?

Они миновали стеклянную дверь и оказались в длинном большом помещении размером с добрый супермаркет. Алиса решительно ничего не узнавала.

Вдоль помещения тянулись ряды непонятных сложных машин, на которых работали мужчины и женщины, поднимая и опуская что-то явно тяжелое. Все сосредоточенно занимались своим делом, стараясь не шуметь, точно в библиотеке. Носилки двигались мимо них, но никто даже не приостановился. По ней скользили равнодушным взглядом, как будто смотрели телевизионный репортаж.

– Алиса! Что это с тобой?

С беговой дорожки сошел мужчина, вынул из ушей наушники, опустил их на плечи. Его лицо – ярко-красное, в бусинах пота – было Алисе совершенно незнакомо. Она разглядывала его и соображала, как бы повежливее ответить. Беседовать с незнакомцем, лежа при этом на носилках, – полный абсурд. Это ей снится. Приснилось же как-то, что она в пижаме заявилась на коктейль.

– Стукнулась слегка кумполом, – совсем не по-медицински ответил вместо нее «Клуни».

– Ужас! – отозвался мужчина и промокнул лоб полотенцем. – Только этого еще не доставало перед таким днем!

При этих загадочных словах Алиса постаралась сделать скорбное лицо. Может быть, это коллега Ника, а говорит он о каком-то якобы известном ей задании по работе?

– Ну что, Алиса, будешь и дальше такой же фанаткой гимнастики?

– Хо, – откликнулась Алиса.

Она и сама не знала, что хотела сказать, но вышло у нее именно это «хо».

Санитары двинулись дальше, мужчина вернулся на беговую дорожку и побежал.

– Алиса, поправляйся! – закричал он ей вслед, поднеся к уху кулак с отогнутыми большим пальцем и мизинцем. – Я позвоню Мэгги.

Алиса закрыла глаза. В животе забурлило.

– Как вы себя чувствуете? – спросил «Клуни».

– Подташнивает. – Алиса открыла глаза.

– Это нормально, так и должно быть.

Они остановились перед лифтом.

– Я и правда не знаю, где я, – напомнила она «Клуни».

Ей почему-то казалось, что это очень важно.

– Не волнуйтесь сейчас об этом.

Двери лифта со свистом раздвинулись, и из него показалась женщина с прилизанными, туго затянутыми в хвост волосами.

– Алиса! Ты как? Что это с тобой? – заговорила она наигранно-бодро, как произносят «как живете-можете»? – Ну надо же, как совпало: я о тебе и думала! Хотела позвонить тебе насчет... Да, того случая в школе. Хлоя мне рассказала, ах ты, бедняжка! Дорогая моя, только этого тебе и не хватало! Перед завтрашним вечером, перед таким днем!

Под ее трескотню санитары втиснули носилки в лифт и нажали кнопку первого этажа. Двери со свистом сомкнулись, отрезав от них женщину, которая, как тот мужчина на беговой дорожке, поднесла к уху воображаемый телефон.

– Это что, Алиса Лав на носилках? – в это же время крикнул кто-то.

– У вас много знакомых, – заметил «Клуни».

– Нет, – ответила Алиса. – Ничего подобного.

Она раздумывала о том, почему Джейн сказала: «Я приглашена на банкет по случаю ее сорокалетия». Повернула голову набок, и ее стошнило прямо на блестящие черные туфли «Клуни».

Домашняя работа, выполненная Элизабет для доктора Ходжеса

Почти к концу обеденного перерыва мне позвонили. У меня оставалось пять минут, чтобы дойти до туалета и проверить, не застряло ли что-нибудь между зубами. Она сказала: «Элизабет? Привет, это Джейн, у меня тут небольшая проблема...» – так, будто никакой другой Джейн в мире больше нет. Если тебя зовут Джейн, то полезная привычка – сразу же называть фамилию. «Джейн, Джейн, Джейн, у Джейн проблема», – крутилось у меня в голове. А потом я поняла, что это Джейн Тёрнер. Та, с работы Алисы.

Она сказала, что Алиса упала в спортзале, когда занималась степом.

А я как раз должна была выйти один на один со ста сорока тремя слушателями, которые сидели за столиками, тянули воду со льдом, жевали мятные конфеты и, держа наготове карандаши, нетерпеливо посматривали на подиум. За удовольствие услышать меня каждый из них заплатил по 2950 долларов или по 2500, если они забронировали место заранее. Вот столько люди платят, чтобы я научила их успешно вести кампанию прямой почтовой рассылки. Да, я знаю! Этот грязный мир коммерции совершенно чужд вам, доктор Ходжес! Мне сразу это стало ясно, когда вы вежливо закивали, пока я объясняла, чем занимаюсь. Уверена, вам и в голову не приходило, что письма и брошюры, которые приносит почта, пишут настоящие люди. Такие, как я. Могу поспорить: на ящике у вас наклеено «Просьба не класть рекламу и бесплатные газеты». Не волнуйтесь, я не собираюсь вас за это винить.

Итак, это определенно было не самое удобное время, чтобы срываться с места и лететь к сестре только потому, что с ней что-то там случилось в спортзале. Некоторые из нас, знаете ли, работают, некоторым из нас в середине дня не до спортзала. Особенно потому, что я не разговаривала с ней после того случая с банановыми кексами. Знаю, мы долго говорили о том, что нужно стараться более рационально смотреть на ее действия, но все-таки я так и не разговариваю с ней. Вообще-то, она и не подозревает, что я не разговариваю с ней, но позвольте мне такое девчачье удовольствие.

Я ответила Джейн (признаюсь, несколько раздраженно и заносчиво): «С ней что-то серьезное?» Почему-то я и не задумывалась, что это действительно может быть серьезно.

– Она думает, что теперь девяносто восьмой год, ей двадцать девять лет и мы до сих пор работаем в АБР «Брикс», – начала рассказывать Джейн. – Куда уж серьезнее? Да, и вы, надеюсь, знаете, что она ждет ребенка?

За мою реакцию мне стыдно до сих пор. Могу сказать только, доктор Ходжес, что это произошло непроизвольно, безудержно и больше всего походило на сильный чих при сенной лихорадке.

Меня просто затрясло от ярости, этот громоподобный чих как нельзя лучше выразил мои чувства, я сказала: «Извините, Джейн, мне нужно идти». И прервала разговор.

«Джордж Клуни» ничуть не рассердился за свои туфли. Алиса в ужасе порывалась встать с носилок, чтобы хоть как-то помочь их отчистить, – только бы найти где-нибудь салфетку, может, хоть в этом холщовом мешке, – но оба санитары строго приказали ей лежать и не шевелиться.

Когда носилки задвинули в заднюю дверь машины «скорой помощи», живот немного успокоился. Плотный, чистый белый пластик действовал умиротворяюще, все вокруг было солидно и стерильно.

До больницы ехали совершенно спокойно, будто в такси. Насколько Алиса поняла, они не неслись по улицам, мигая фарами, чтобы другие машины убирались с дороги.

– Вроде не умираю? – спросила она «Клуни».

Его напарник сидел за рулем, а «Клуни» рядом с ней. Она заметила, что у него довольно густые брови. У Ника брови были такие же широкие, кустистые. Как-то раз, поздно вечером, Алиса сделала попытку их выщипать, но он так громко заорал, что она испугалась, как бы их соседка миссис Берген не проявила бдительность и не вызвала полицию.

– Вы в два счета вернетесь в свой спортзал, – заверил ее «Клуни».

– Не хожу я в спортзал, – возразила Алиса. – Мне кажется, от них нет никакого толку.

– Понятно, – откликнулся «Клуни» и похлопал ее по руке.

Она смотрела, как мимо машины, за головой «Клуни», мелькают рекламные щиты, офисные здания, кусочки неба.

Ну вот... Как глупо все вышло. «Ударилась кумполом» – и сразу все стало казаться странным. Ощущение было очень похоже на то, какое бывает, когда просыпаешься где-нибудь на отдыхе и, будто во сне, не сразу соображаешь, где находишься. Только сейчас все было сильнее и никак не заканчивалось. Паниковать незачем. Было так интересно! Нужно лишь сосредоточиться.

– Который час? – резко спросила она «Клуни».

– Скоро обед, – ответил он, бросив взгляд на часы.

Прекрасно... Обед... Обед, пятница.

– Зачем вы спрашивали меня, что я ела на завтрак?

– Мы спрашиваем об этом всех, у кого повреждена голова. Так оценивается психическое состояние.

Значит, если она сможет вспомнить, что ела на завтрак, все встанет на свои места.

На завтрак... Сегодня... Ну же, ну! Должна же она помнить!

Она совершенно ясно представляла себе, чем завтракает в рабочие дни. Два кусочка поджаренного хлеба выпрыгивают из тостера, сердито бурчит чайник, солнечные лучи косо падают на кухонный пол и освещают большое коричневое пятно на линолеуме, глядя на которое всегда думаешь, что его можно легко оттереть, хотя это не так. Потом они начинают блестеть на вокзальных часах, которые им подарила мать Ника на новоселье. Алиса всегда очень надеется, что они сильно спешат, хотя на самом деле они всегда сильно отстают. Раздается трескучий звук настройки «Радио Австралии», и озабоченные, напряженные голоса дикторов начинают рассказывать о мировых проблемах. Ник обычно слушал, бросал иногда: «Ну вы даете!» – а Алиса чувствовала, что эти голоса, как волны, перекачиваются через нее, и притворялась спящей.

Они с Ником не были жаворонками. Обоих это радовало, потому что их предыдущие спутники по утрам бывали просто невыносимо энергичны. Они перебрасывались короткими фразами, иногда ворча преувеличенно сердито, в шутку, а иногда они не играли, и это было здорово, потому что знали: сами собой они будут вечером, после работы.

Она постаралась не отвлекаться и думать только о завтраке.

Стояло холодное утро; они как раз наполовину покрасили кухню. Хлестал дождь, острый запах краски щекотал ей ноздри. Сидя на полу, они молча ели хлеб, намазанный арахисовым маслом: больше разместиться было негде, всю мебель завесили тряпками. Алиса была в кардигане, накинутом поверх ночной рубашки, и в старых футбольных носках Ника, натянутых под самые колени. Ник был выбрит и одет, осталось только повязать галстук. Накануне вечером он рассказал, что ему нужно делать очень важную и очень страшную презентацию одновременно для трех компаний: лысых дебилов, хренов из «Мегатрона» и еще каких-то больших шишек. У Алисы, которая немела от одной мысли о публичном выступлении, от сочувствия засосало под ложечкой. В то утро Ник глотнул чая, поставил кружку, открыл было рот, собираясь откусить от бутерброда, и уронил его прямо на свою любимую полосатую рубашку, угодив точно в центр. В ужасе они взглянули друг на друга. Ник не без труда оторвал бутерброд от рубашки и обнаружил на ней огромное жирное пятно от арахисового масла.

– Ну вот... – голосом смертельно раненного произнес он. – Единственная чистая рубашка.

С этими словами он схватил несчастный бутерброд и приклеил его ко лбу.

– А вот и нет! – ответила Алиса. – Пока ты вчера играл в сквош, я сходила в прачечную.

У них пока не было стиральной машины, и все белье они отдавали в прачечную на своей же улице. Ник оторвал хлеб ото лба: «Да ну?» Она ответила: «Ну да!» И он, аккуратно обойдя банки с краской, подошел к ней, взял ее лицо в ладони и наградил долгим, нежным поцелуем, отдававшим арахисовым маслом.

Но сегодня утром было по-другому. Тот завтрак был несколько недель или, может, месяцев тому назад. Кухню они докрасили. К тому же тогда она не была беременна, если пила кофе.

Несколько раз подряд, когда они вдруг вознамерились вести здоровый образ жизни, на

завтрак у них был йогурт с фруктами. Когда это было? Этот сдвиг закончился очень быстро, хотя начинали они с превеликим энтузиазмом.

Бывало, что она завтракала в одиночестве – когда Ник уезжал по работе. Она жевала свой тост, лежа в постели, романтически скучая по нему, как будто он был солдатом или матросом. Так с удовольствием ощущаешь чувство голода в предвкушении сытного обеда.

Иногда за завтраком они ссорились, и довольно сильно – так, что искажались злобой лица, гневно блестели глаза, хлопали двери. Из-за того, например, что в холодильнике не оказывалось молока. Тогда все проходило не так благостно.

Тот завтрак совершенно точно был в другой день. Она припомнила, что они в тот же вечер простили друг друга, когда сидели на представлении какой-то нудной и длинной постмодернистской пьесы, в которой сестра Ника играла крошечную роль и в которой ни он, ни она ничего не поняли. «Кстати, я тебя прощаю», – шепнул Ник ей на ухо, и она шепнула в ответ: «Нет уж, это я тебя прощаю!» А женщина, которая сидела перед ним, обернулась и поучительно строго прошипела: «Прекратите сейчас же!» Их обуял такой дикий хохот, что пришлось выбираться из зала, натываясь на колени соседей, и после спектакля объясняться с сердитой сестрой.

Однажды за завтраком она, дурачась, стала вслух зачитывать из книжки имена для детей, а он, также дурачась, отвечал «да» или «нет». Это было, наоборот, благостно, потому что тогда они веселились от души.

– Не верю, что нам самим разрешат дать человеку имя, – говорил тогда Ник. – Это может сделать только какой-нибудь царь земли.

– Ну или царица, – откликнулась Алиса.

– Нет, женщине ни за что не разрешат давать человеку имя, – возражал Ник. – Ясно же.

Так, значит, это тогда и случилось? Нет... Не тогда. Не в то утро.

Что было сегодня на завтрак, она понятия не имела и призналась «Клуни»:

– Я сказала про тост с арахисовым маслом, потому что обычно завтракаю так. Но, вообще-то, я совсем не помню, что ела.

– Не беда, – отозвался «Клуни». – Я и сам, пожалуй, этого не помню.

Ну и стоило так стараться, чтобы оценить ее психическое состояние? Этот «Клуни» вообще соображает, что делает?

– Может, и у вас сотрясение, – сказала Алиса.

«Клуни» принужденно рассмеялся. Видимо, ему все это наскучило. Может быть, он думал, что следующий вызов окажется куда интереснее. Наверное, ему нравилось ставить эти прибабасы сердечного дефибриллятора. Алисе бы нравилось, если бы она работала санитаром.

Однажды в воскресенье, когда Ник страшно мучился после вчерашнего, она все старалась уговорить его пойти на пляж, а он лежал на кушетке, закрыв глаза и не обращая на нее никакого внимания. «Кажется, мы его теряем!» – сказала она тогда, потеряла два шпателя друг о друга и, приложив их к его груди, завопила: «Разряд!» Ник послушно и очень похоже изобразил мышечный спазм. Но так и не соизволил пошевелиться, пока не услышал, как она воскликнула: «Он не дышит! Начинаем интубацию!» – и не попробовала всунуть ему в рот соломинку.

«Скорая» остановилась на светофоре, и Алиса чуть пошевелилась. Все тело страшно ныло. Она чувствовала себя до крайности усталой, но в то же время ее как будто подзуживало встать и приняться за какое-нибудь дело. Это, видимо, из-за беременности. Все

говорят, что тело становится как чужое.

Она опустила подбородок, чтобы еще раз взглянуть на те странные вещи, что были на ней надеты. Да, такое она ни за что бы не выбрала. Она никогда не носила ни желтого, ни топов в обтяжку. Противное чувство паники шевельнулось снова, и она посмотрела сначала в сторону, а потом перевела глаза на потолок машины.

Дело было вот в чем: что она ела накануне вечером, тоже никак не вспоминалось.

Вообще никак. Ну просто ничего не приходило на ум.

Туец, что ли, с фасолью, который любила она? Или карри с бараниной, которое уважал Ник? Она понятия не имела.

В голове мешались обрывки воспоминаний о самых разных выходных, будто в нее вывалили корзину нестираного белья. Вот она сидит на траве в парке и читает газету... Пикники. Вот они ходят по садовым центрам и спорят о растениях. Работают по дому. Всегда, всегда работают по дому. Фильмы. Ужины. Кофе с Элизабет. Секс утром в воскресенье, потом сон, потом круассаны из вьетнамской пекарни. Дни рождения друзей. Свадьба мимоходом. Дальние поездки. Встречи с семьей Ника.

Почему-то она знала, что ничего такого в прошлые выходные не было. А когда это было, давно или недавно, она не знала. Было, и все.

Трудность состояла в том, что она не могла связать себя ни с «сегодня», ни с «вчера», ни даже с «прошлой неделей». Ее носило по календарю, как оторвавшийся воздушный шарик.

Представилось серое, затянутое облаками небо, в котором плавали связки розовых шариков, перевязанных белыми ленточками, точно букеты. Их быстро гнал сердитый ветер, и от этого ей было ужасно грустно.

Но это чувство прошло быстро, как приступ тошноты.

Ужас. Что все это значит?

Ей очень не хватало сейчас Ника. Он бы все расставил по своим местам. Он бы точно сказал ей, что они ели вчера вечером на ужин и что делали в выходные.

Хорошо бы он ждал ее в больнице. Он, наверное, уже и цветы ей купил. Скорее всего, купил. Она, впрочем, надеялась, что все-таки нет, – зачем так тратиться?

Нет, конечно, она очень хотела, чтобы он купил цветы. Ее ведь отвезли по «скорой». Она их как бы заслужила.

В голове вдруг всплыло еще одно воспоминание. Ей представился гигантский букет красных роз на длинных стеблях и гипсофил в хрустальной вазе – свадебный подарок двоюродного брата Ника. С чего это вдруг ей вспомнились эти розы? Ник их никогда не дарил. Он знал, что она любила их только несрезанными, на кустах. Магазинные цветы совершенно не пахли и неизвестно почему приводили Алисе на ум мысль о серийных убийцах.

«Скорая» остановилась, «Клуни» поднялся на ноги, пригнувшись, чтобы не стукнуться головой.

– Приехали. Алиса, как самочувствие? У вас такой вид, словно вы размышляли о чем-то глобальном.

Он нажал на ручку, открыл дверь, и в машину хлынул солнечный свет, от которого она зажмурилась.

– Я так и не знаю, как вас зовут, – заметила Алиса.

– Кевин, – будто извиняясь, ответил «Клуни».

Словно заранее зная, что разочарует ее.

Домашняя работа, выполненная Элизабет для доктора Ходжеса

Правду сказать, доктор Ходжес, в моей работе много волнения. Мне стыдно признаться, но это так. Нет, конечно, это не безумный мандраж, но определенно адреналин в моем деле есть. Когда гаснут лампы, затихает зал, я стою одна на сцене и страшно серьезная Лейла дает мне знак, что все в порядке и можно начинать, – чувство такое, будто мы с ней запускаем спутник НАСА. Свет рампы бьет мне в лицо, точно солнце, и я слышу лишь, как изредка постукивают стаканы с водой да кое-где раздается осторожный кашель. Мне нравится этот чистый, острый деловой дух гостиничных конференц-залов и прохладный кондиционированный воздух. Это все приводит в порядок мою голову. А когда я начинаю говорить, микрофон смягчает мой голос и он звучит очень внушительно.

Но бывает, что я выхожу на сцену и чувствую себя так, будто на шее у меня висит мельничный жернов, отчего голова сразу же поникает, а спина гнется в дугу, точно у дряхлой старухи. Мне хочется подвинуться ближе к микрофону и сказать: «Зачем это все, леди и джентльмены? Вы такие славные люди, так помогите же мне, скажите – зачем это все?»

Вообще-то, я точно знаю зачем.

Дело тут в том, что они помогают мне выплачивать ипотеку. Все они вносят свою лепту в наши счета за продукты, воду, электричество и остаток на карте «Виза». Все они щедро оплачивают шприцы, безразмерные больничные халаты и даже того анестезиолога с глазами доброго пса, который держал меня за руку и говорил: «Спим, спим, дорогая». Впрочем, я отвлеклась. Вы и хотите, чтобы я отвлекалась. Хотите, чтобы я писала подряд все, что только приходит мне в голову. Интересно, скучно ли вам со мной. Вид у вас всегда вежливо-заинтересованный, но, может быть, в иные дни, когда вы видите, с каким жалостным выражением я вхожу в кабинет, чтобы вывалить на вас все душераздирающие подробности своей жизни, вам очень хочется положить локти на стол, опереться подбородком на руки и спросить: «Зачем это все, Элизабет?» Но потом вы вспоминаете, что я пополняю вашу «Визу», оплачиваю вашу ипотеку, счета из магазина и так далее... И жизнь идет своим чередом.

На днях вы сказали, что ощущение бессмысленности – это признак депрессии, но, понимаете ли, у меня нет никакой депрессии, потому что я ясно вижу, зачем это все. Деньги – вот зачем.

После того как я ответила на звонок Джейн, телефон тут же зазвонил снова. Скорее всего, это была опять она, подумала, что разговор прервался, и я отключила телефон прямо на середине звонка. Мужчина, проходивший мимо, заметил: «Иногда кажется, нам всем было бы куда лучше без этих штук!» – и я с энтузиазмом отозвалась: «Вот именно!» Я никогда в жизни не говорила «Вот именно!». Это выражение пришло мне в голову ни с того ни с сего. На нашей следующей сессии я обязательно воспользуюсь им и посмотрю, моргнете ли вы. А он продолжил: «Поздравляю, поздравляю. Я много раз бывал на таких занятиях, но ваша лекция оказалась самой полезной и доходчивой».

Он заигрывал со мной. Такое иногда бывает. Это безотказный эффект микрофона и ярких огней. Смешно! Я всегда думаю: ведь каждому мужчине должно быть с первого взгляда понятно, что никакой сексуальности во мне нет и в помине. Я ощущаю себя таким

сухофруктом. Да я сухофрукт и есть. Я – сушеный абрикос. Не вкусный, сочный, мягкий плод, а жесткий, сморщенный, безвкусный сушеный абрикос, о который зубы обломаешь.

Я несколько раз вдохнула бодрящего кондиционированного воздуха и снова прикрепила микрофон к лацкану жакета. Я так боялась возвращаться на сцену, что меня в буквальном смысле слова колотило. Доктор Ходжес, по-моему, сегодня вечером я могу несколько расклеиться. На следующей встрече мы можем поговорить об этом.

Впрочем, не исключено, что временное помешательство – лишь отговорка для прикрытия неприглядного поведения. Наверное, мне просто стыдно сознаться, что кто-то позвонил мне, сказал, что с сестрой произошел несчастный случай, а я прервала разговор. Для вас я делаю из себя подарочный вариант. Хочу казаться несчастней всех на свете, чтобы вы почувствовали, что можете быть мне полезны, но в то же время я хочу, чтобы вы, доктор Ходжес, считали меня хорошим человеком. Хорошим и несчастным.

Тогда я, как рок-звезда, вошла на сцену, заговорила о «визуализации плана» и была, что называется, в ударе. Заставляла всех смеяться, выкрикивать ответы, соревнуясь друг с другом, и все время, пока мы визуализировали план, я визуализировала свою младшую сестру.

Я думала о том, что травмы головы могут быть очень серьезными.

Думала, что Ник в отъезде и что, вообще-то, Джейн не обязана была этого делать.

А потом я подумала: Алиса носила Мадисон в 1998 году.

Ник не ждал в больнице с цветами. Алису там никто не ждал, и она почувствовала себя чуть-чуть героиней.

Санитары вдруг бесследно исчезли, как будто их и не было. Она не помнила, чтобы они с ней попрощались, поэтому и не сумела сказать «спасибо».

В больнице было то очень оживленно, то совсем тихо, когда надо было лежать на носилках в пустой комнатухе размером с коробку и смотреть в потолок.

Пришел врач, посветил крошечным фонариком ей в глаза и попросил проследить, как он двигает пальцами туда и обратно. Сестра с неправдоподобно зелеными глазами, точно под цвет больничного костюма, стояла у нее в ногах, держала планшет с листом бумаги и расспрашивала о страховке, об аллергиях и прочем в том же роде. Алиса похвалила эту яркую зелень, услышала в ответ, что это цветные линзы, произнесла «А-а...» и почувствовала себя одураченной.

Пакет со льдом приладили к тому, что зеленоглазая сестра назвала «страусиным яйцом» у Алисы на затылке, ей дали две обезболивающие таблетки в крошечной пластиковой чашке, но Алиса сказала, что ей не так уж больно и что она не хотела бы ничего принимать, потому что ждет ребенка.

Ее все расспрашивали и расспрашивали, голосами чересчур громкими, будто во сне, хотя она и смотрела прямо на них. Помнит ли она, что упала? Помнит ли, что ее везли в «скорой»? Знает ли, какой сегодня день недели? А число, год?

– Девяносто восьмой? – Изможденная женщина-врач озадаченно посмотрела на нее сквозь очки в красной пластиковой оправе. – А вы уверены?

– Да, уверена. Мне поставили срок – восьмое августа девяносто девятого года. Восемь-восемь, девять-девять. Легко запомнить.

– Сейчас, знаете ли, год две тысячи восьмой, – сказала врач.

– Такого не может быть, – вежливо возразила Алиса.

Неужели эта женщина – из тех умнейших людей, которые никакого внимания не обращают на обыденность? Хотя бы на те же даты.

– Почему же?

– Потому что еще не настало новое тысячелетие, – поучительно заметила Алиса. – Говорят, что из-за какого-то компьютерного сбоя отключится все электричество.

Она гордилась, что ей был известен этот факт, а значит, она идет в ногу со временем.

– Мне кажется, вы путаете. Вы разве не помните, как встречали это тысячелетие? Какие огромные фейерверки запускали над мостом Харбор-бридж?

– Нет, – ответила Алиса. – Не помню я никаких фейерверков.

«Хватит!» – хотелось ей крикнуть. Ничего здесь нет смешного, я хорохорюсь, делаю вид, что у меня не болит голова. А она болит.

Она вспомнила, как однажды вечером Ник сказал: «Ты только представь – новое тысячелетие мы будем встречать с четырехмесячным ребенком!» В руках он держал кувалду, потому что собирался крушить стену. Алиса опустила камеру – она хотела увековечить падение стены. «А ведь верно», – ответила она, умиленная и пораженная этой мыслью. Четырехмесячный ребенок: настоящий маленький человек, созданный ими, принадлежащий им и все-таки отдельный.

– М-да... Думаю, придется нанимать няню для маленького засранца, – делано беззаботно произнес Ник.

С этими словами он радостно взмахнул кувалдой, Алиса щелкнула аппаратом, и их окутало облако розовой пластиковой пыли.

– Может быть, сделать ультразвук? – настойчиво обратилась Алиса к врачу. – Нужно проверить, что с ребенком.

Случись такое с Элизабет, она повела бы себя именно так, и только так. Когда Алисе нужно было проявить напор, она всегда первым делом думала: «А как бы поступила Элизабет?»

– Сколько у вас недель?

– Четырнадцать.

Сказав это, Алиса снова почувствовала странный провал в памяти, как будто была не совсем уверена, что это так.

– Можете хотя бы сердце прослушать? – спросила Алиса с интонациями Элизабет в голосе.

– Мм... – неопределенно произнесла врач и водрузила очки обратно на нос.

Алисе вспомнился женский голос с легким американским акцентом: «Извините... сердцебиение не прослушивается».

Она помнила это очень ясно. Небольшая заминка перед «извините»... «Извините... сердцебиение не прослушивается».

Чей это голос? Что это была за женщина? Было ли это на самом деле? В глазах Алисы стояли слезы, ей снова представились букеты из розовых шариков, гонимые ветром по серому небу. И где она видела эти шарики – в каком-то старом фильме? Очень, очень печальном фильме? Она чувствовала, как в груди у нее снова поднимается волна необыкновенно сильного чувства, похожего на испытанное в машине «скорой помощи». Ее обуревали горе и ярость. Она воображала, как рыдает, воеет, рвет на себе волосы, хотя в жизни никогда себя так не вела. И только она подумала, что это чувство сокрушит ее, оно вдруг исчезло без следа. Это было очень странно.

– Сколько у вас детей? – спросила врач, задрала майку Алисы и спустила ее шорты, чтобы обследовать живот.

– Нисколько. – Алиса сморгнула слезы. – Это моя первая беременность.

Врач приостановилась и заметила:

– Но у вас здесь шов, как будто от кесарева.

Алиса осторожно приподняла голову и увидела, что врач показывает аккуратно наманикюренным пальцем куда-то в нижнюю часть ее живота. Она прищурилась и разглядела бледно-розовую линию как раз над лобковыми волосами.

– Я не знаю, что это, – испуганно сказала Алиса.

Вспомнилось суровое выражение материнского лица, когда она, бывало, говорила Элизабет и Алисе: «Никогда и никому не показывайте свои женские части». Ник покатился со смеху, когда она рассказала ему об этом. И как это он умудрился не заметить этот смешной шрам? Он ведь потратил немало времени на изучение ее женских частей.

– По матке не скажешь, что у вас уже четырнадцать недель, – заметила врач.

Алиса смотрела на свой живот и понимала, что действительно – выглядит он плоско. Плоско, подтянуто, неожиданно хорошо, вот только... Она ведь ждет ребенка. Ник всякий раз довольно хмыкал, когда она одевалась, подчеркивая растущий животик.

– Вы уверены, что так много? – недоверчиво спросила врач.

Алиса снова посмотрела на живот – исключительно плоский! – и ничего не ответила. Ей было и неудобно, и страшно, и стыдно одновременно. Ей пришло в голову, что грудь, которая уже успела отяжелеть, начала зудеть и походить на пышный бюст, вернулась в свое обычное, весьма скромное состояние. Она не ощущала себя беременной. Конечно, она не чувствовала себя собой, но определенно не ощущала себя беременной.

Что же это был за шрам? Она слышала страшные рассказы, как людей накачивали таблетками и вырезали у них органы на продажу. Что же получалось – она пошла в спортзал, напилась до потери сознания и кто-то, воспользовавшись случаем, поживился ее органами.

– Может быть, и не четырнадцать, – сказала она врачу. – Может быть, я неправильно сосчитала. Мне как-то трудно соображать... Муж скоро приедет и все вам объяснит.

– Успокойтесь, не волнуйтесь, – ответила врач и аккуратно поправила на ней одежду. – Мы начнем с томографии мозга, посмотрим, есть ли у вас что-то серьезное. Знаете, я думаю, скоро все встанет на свои места. Помните, как зовут вашего гинеколога? Я могу позвонить ему и уточнить, какой у вас срок. Если мы не услышим сердцебиения, ничего страшного: срок для этого еще невелик.

«Извините... сердцебиение не прослушивается».

Слова вспоминались необыкновенно ясно. Похоже, это было на самом деле.

– Доктор Сэм Чеппл, – ответила Алиса. – У него офис в Четсвуде.

– Прекрасно. Не волнуйтесь. После серьезной травмы головы небольшое замешательство – это совершенно нормально. – Врач сочувственно улыбнулась и вышла.

Алиса проводила ее глазами, а потом снова задрала майку и принялась разглядывать живот. Мало того что он опал – по нему сверху вниз шли серебристые полосы растяжек. Она с испугом провела по ним пальцами. Неужели это ее живот?

Кесарево, сказала врач... Если только она не ошиблась. Может быть, никакое это не кесарево, может, самый обычный шов. Какой-то...

Но если она была права, получалось, что некий врач – ее гинеколог Чеппл? – разрезал скальпелем ее кожу, вынул из ее чрева окровавленного орущего ребенка, а она этого совсем не помнила.

Неужели удар головой выбил из ее памяти такое значительное событие? Не чересчур ли это?

Она вспомнила, как, бывало, они с Ником усаживались смотреть кино, где-то на середине она засыпала и валилась головой ему на колени. Она терпеть этого не могла, потому что просыпалась потом с открытым ртом и видела, как герои, которые в самом начале просто не выносили друг друга, теперь, как голубки, стоят под одним зонтом у Эйфелевой башни.

– У тебя был ребенок, – неуверенно обратилась она сама к себе. – Помнишь?

Абсурд! Она вовсе не собиралась хлопать себя по лбу и восклицать: «Ну конечно! У меня был ребенок, да, да! Странно, что я об этом не помню!»

Неужели она забыла, как ребенок рос, шевелился, пинал ножками у нее в животе? Если действительно он у нее был, значит они с Ником ходили на занятия для будущих родителей. Значит, она покупала себе одежду для беременных. Значит, они покрасили детскую. Значит, они ездили покупать коляску, кроватку, пеленки, ходунки, пеленальный столик.

Значит, ребенок-то был.

Она села, обхватив руками живот.

Где же он был? Кто смотрел за ним? Кто кормил?

На этот раз все было гораздо значительнее, чем обычная промашка, про которую говорили: «Алиса, ну что вы!» Это было просто огромно. И это пугало.

Боже ты мой, куда подевался Ник? Когда он появится, она обязательно поворчит на него. Пусть оправдывается сколько хочет.

Зеленоглазая сестра вернулась и спросила:

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, хорошо, – машинально ответила Алиса.

– Вы помните, почему здесь оказались и что с вами случилось?

Эти настойчивые расспросы, видимо, имели целью оценить ее психическое состояние.

Алису так и подмывало завопить: «Да, да, я с ума схожу!» – но не хотелось причинять неудобства сестре. Такие фортели всех пугают.

– Скажите, пожалуйста, а какой сейчас год? – обратилась она с вопросом вместо этого.

Она произнесла это очень быстро, чтобы врач в очках не успела войти и застукать ее за попыткой втихаря проверить факты.

– Две тысячи восьмой.

– Точно две тысячи восьмой?

– Совершенно точно. Второе мая две тысячи восьмого года, на выходные отмечаем День матери!

День матери! У Алисы это был бы первый День матери!

Только если год и правда две тысячи восьмой, он у нее будет вовсе не первый...

Если сейчас две тысячи восьмой год, то, значит, Ореху уже девять лет. И никакой он уже не Орех. Это сначала был Орех, а потом вырос до персика, до теннисного мяча, до баскетбольного, до... ребенка.

Алиса ощутила, как совсем некстати ее душит приступ смеха.

Ее ребенку уже девять лет.

Домашняя работа, выполненная Элизабет для доктора Ходжеса

К ужасу Лейлы, я оборвала на полуслове рассуждения о «визуализации плана» и переключилась на «олимпийскую идею». Я уверена, доктор Ходжес, вы с восторгом узнаете, что именно на этом этапе я делаю так, что люди лезут под стол в поисках некоего «таинственного продукта». Буквально все приходят в неопишное волнение и под столы, можно сказать, ныряют. Удивительно, что такие разные люди могут выдавать совершенно одинаковые шутки. Это только подкрепляет мое ощущение, что годы идут, но ничего не меняется. Я – лучшая иллюстрация к выражению «топтаться на месте».

Ого, через десять минут пойдет «Анатомия страсти»! Писание этого дневника ни в коем случае не должно мешать поглощению ежевечерней порции этой тележвачки. Пусть мой муж Бен говорит что хочет: если бы не этот экраный наркотик, я бы давно уже тронулась умом.

Пока мои студенты записывали на жесткой дешевой бумаге свои идеи по продвижению «таинственных продуктов», я пробовала дозвониться до Джейн. Понятно, что Джейн свой телефон отключила, и я, не сдержавшись, произнесла вслух «ё-мое», так что Лейла тонко и злорадно улыбнулась. Я обидела ее тем, что поменяла повестку дня, как будто повестка дня

не имела ни малейшего значения, тогда как для нее это вопрос жизни и смерти.

Я объяснила ей, что с моей сестрой что-то случилось, я не знаю, в какой она больнице, и ищу, кто мог бы забрать из школы ее детей.

– Понятно, – ответила Лейла. – Но когда вы собираетесь заканчивать сегмент «визуализация плана»?

По-моему, такая сосредоточенность для сотрудника совсем неплоха, но, доктор Ходжес, не отдает ли она некоторой патологией? Что вы, профессионал, скажете на это?

Потом я позвонила маме и оставила сообщение на голосовую почту. Теперь ей на пару дней обеспечена веселенькая жизнь. Кажется, совсем недавно первым делом я позвонила бы Фрэнни. В критические моменты она умела сохранять удивительное спокойствие. Но Фрэнни решила завязать с вождением, когда перебралась в деревню для престарелых. Я до сих пор страшно огорчена этим. Она превосходно водила. Я позвонила в школу и, ожидая ответа, выслушала записанную на автоответчик лекцию о семейных ценностях. Я позвонила в спортзал Алисы, чтобы спросить, знают ли там, в какую больницу ее отвезли, и, ожидая ответа, выслушала записанную на автоответчик лекцию о пользе разумного питания.

И наконец, я позвонила Бену.

Он ответил после первого же сигнала, выслушал мой лепет и ответил: «Я все сделаю».

Конечно же, компьютерная томография Алисы не показала никаких изменений, и ей стало даже неудобно из-за того, что она такая обыкновенная. Вспомнились школьные ведомости: во всех без исключения графах галочка стояла напротив отметки «удовлетворительно» и сопровождалась записью вроде: «Мало работает в классе, успеваемость посредственная». С тем же успехом они могли бы откровенно написать поперек титульного листа: «Ужасно скучно; мы по-настоящему ее не знаем». В ведомостях Элизабет галочки стояли против отметок «отлично», порой встречались «неудовлетворительно» и записи типа: «Случаются несерьезные нарушения дисциплины». Алисе страшно хотелось хоть раз несерьезно нарушить дисциплину, но она никак не могла сообразить, с чего бы начать.

– Нам не нравится этот провал в памяти, поэтому мы оставляем вас на ночь и понаблюдаем, – сказала врач в красных пластиковых очках.

– Хорошо... – произнесла Алиса и застенчиво пригладила волосы, представив себе, как целый сонм врачей и сестер с планшетами сидит у ее кровати и наблюдает за тем, как она спит (она, бывало, всхрапывала). – Спасибо вам.

Врач прижала планшет к груди и бросила на нее теплый взгляд, будто собиралась поболтать с ней, как с подружкой.

Ну вот... Алиса перебрала все интересные темы для разговора и наконец спросила:

– Так вы позвонили моему гинекологу? Доктору Чепплу? Конечно, вам, наверное, было некогда...

Ей очень не хотелось услышать в ответ раздраженное: «Извините, я была очень занята – спасала жизнь».

– Да, звонила, – задумчиво ответила врач. – Но Сэм Чеппл, похоже, три года назад вышел на пенсию. Его секретарь долго рассказывала мне, что он купил себе маленький островок и живет теперь за тридевять земель.

– Островок купил... – эхом откликнулась Алиса.

Ей не очень нравилось, что врач говорит таким простым языком: «за тридевять земель». Как будто она была совсем молода и еще не перестала удивляться. Врача вообще ничего не должно удивлять. В этом смысле тот «Джордж Клуни» из «скорой» – просто образец для подражания. Медики-профессионалы сначала внушают полное доверие, а потом разочаровывают, потому что оказываются совершенно обычными людьми. В любом случае Алиса очень недоверчиво отнеслась к ее словам. Не покупают люди островов!

– Вы, наверное, и помогли ему купить этот островок! – пошутила врач.

Алиса поверить не могла, что доктор Чеппл уже не восседает в большом кожаном кресле, тщательно записывая ответы на свои учтивые вопросы каллиграфическим почерком на белых каталожных карточках. Оказывается, он полеживает себе в гамаке и попивает коктейль через соломинку с бумажным зонтиком. Она постаралась удержать эту фантазию в памяти, чтобы потом рассказать о ней Нику. И куда только он запропастился?

Ну да, если сейчас и правда две тысячи восьмой год, получается, что прошло десять лет и, естественно, в жизни доктора Чеппла многое могло измениться. Самое главное, многое изменилось в ее собственной жизни, даже если не считать того, что у нее, вероятно, мог быть в наличии ребенок!

Многое, очень многое могло случиться за эти десять лет.

Миллион событий, миллиард, триллион!

Это было бы здорово, если бы не было так страшно. Ей непременно нужно было... да, нужно было разрешить эту проблему раз и навсегда. Теперь же! Сию минуту! Так сказала бы Фрэнни. Жива ли была она в две тысячи восьмом году? Бабушки умирали. Этого следовало ожидать. И не считалось даже, что из-за этого надо очень скорбеть. Пожалуйста, сделай так, чтобы Фрэнни не умерла. Пожалуйста, сделай так, чтобы никто не умер. «В нашей семье больше никто никогда не умрет, – пообещала Элизабет, когда они были детьми. – А то будет нечестно». Алиса тогда свято верила каждому слову старшей сестры.

Может быть, Элизабет умерла? Или Ник? Мама? Ребенок? («Извините... сердцебиение не прослушивается»).

Первый раз за много лет Алиса чувствовала то же, что в далеком детстве, после смерти отца: что любимый человек, оказывается, смертен. Ей очень хотелось собрать всех, кого она любила, и спрятать под кроватью, вместе с куклами. Иногда ей становилось так невыносимо тяжело, что она могла забыть, как правильно дышать, и тогда Элизабет приносила ей пакет из коричневой бумаги, в который нужно было делать выдох.

– Мне может понадобиться сумка, – сказала Алиса врачу.

– Какая сумка?

Смешно. Она не была ребенком, который начинает учащенно дышать при мысли об умирающих.

– У меня была сумка, – пояснила она врачу. – Красный такой рюкзак с наклейками. Вы не знаете, что с ним случилось?

– Ах да. – У врача на лице отразилось легкое раздражение от этого властного вопроса, но она взяла себя в руки. – Вот он. Вам подать?

Она взяла непонятный рюкзак с полки, тянувшейся вдоль стены, и Алиса взглянула на него с невольным страхом.

– Нет... То есть да. Да, пожалуйста.

– Ну что ж, пока лежите, отдохните. – Доктор передала ей рюкзак. – Скоро вас переведут в отделение. Извините за такую тягомотину. Это же больница...

Она по-матерински похлопала ее по плечу и быстро вышла, почему-то заторопившись, как будто вспомнила про другого больного.

Алиса провела пальцами по трем блестящим наклейкам-динозаврам на клапане рюкзака. У каждого из пасти выходил кружок с репликой: «Динозавры рулят!» и «Рок-динозавры!». Она взглянула на наклейку на своей майке и сорвала ее. Наклейка оказалась точно такой же. Она налепила ее обратно – почему-то она понимала, что это нужно сделать, – и стала ждать ощущения или воспоминания.

Чьи это были вещи? Орешка? От этой мысли ее разум шарахался, как испуганный зверь. Ей не хотелось знать. Не хотелось уже готового, взрослого ребенка. Хотелось своего, маленького, еще не рожденного.

Этого не могло происходить с ней. Но... происходит, так что держись, Алиса. Она начала открывать сумку, и тут вдруг ее внимание привлекли собственные ногти на руках. Она вытянула руки перед собой. Ногти были красивой формы, длинные, покрытые светло-бежевым лаком. Обычно они были неровные, поломанные, с черной каймой от работы в саду, возни с краской или других работ по ремонту, которым они тогда занимались. Так они последний раз выглядели перед свадьбой, когда она сделала хороший маникюр. Весь

медовый месяц она махала руками перед носом Ника, повторяя: «Смотри, я настоящая леди».

Но это только тогда... А так руки были как руки. И очень даже симпатичные, хотя и без украшений. Она надевала кольца, но только по особым случаям, а уж поход в спортзал к ним никак не относился. Кольца цеплялись за все подряд, особенно когда она работала по дому. Она подняла левую руку и увидела на пальце тонкую белую вмятину от обручального кольца, которой раньше не было. Она почувствовала себя не в своей тарелке – точно так же, как когда увидела растяжки на животе. Разум полагал, что ничего не изменилось, но тело доказывало, что время ушло вперед. Без нее.

Время... Она закрыла лицо руками. Допустим, она действительно рассылала приглашения на празднование сорокалетия, допустим, ей... тридцать девять лет. Тут она мысленно охнула: значит, и лицо у нее должно быть другое, постаревшее. В переднем углу комнаты над раковиной висело зеркало. В нем отражались ее ноги в коротких белых носках; одна из толпы сестер сняла с нее чужие кеды (неуклюжие резиновые шкуры) и поставила на пол рядом с койкой. Алиса могла бы спрыгнуть с нее, подойти к зеркалу и хорошенько рассмотреть себя.

Наверное, больничные правила строго запрещали вставать с постели. Она повредила голову. Можно упасть и снова удариться головой. Никто ей не говорил, что нельзя вставать с постели, но, наверное, потому, что для всех это было и так ясно.

Ей нужно посмотреться в зеркало. Но она не хотела видеть. Не хотела знать. Не хотела, чтобы это была правда. Да и потом, у нее есть дело. Нужно проверить, что лежит в сумке. Она быстро расстегнула застежки на клапане и засунула в сумку руку, как будто за призом. На свет появилось... полотенце.

Самое обыкновенное, простейшее, свежее синее банное полотенце. Алиса смотрела на него, и ее жег стыд. Она рылась в чьих-то личных вещах. Ясно, Джейн Тёрнер схватила первую попавшуюся сумку в полной уверенности, что сумка ее, и не удосужилась даже взглянуть, что внутри. Очень похоже на Джейн – властную, нетерпеливую.

Ну ладно...

Алиса еще раз внимательно осмотрела свои пальцы с шикарным маникюром. Потом снова залезла в сумку и вынула плоско сложенный пластиковый пакет. Фирменный пакет «Кантри роуд». Ого! Дорогое место. Она вытряхнула содержимое на колени.

Женские вещи... Белье... Красное платье... Кардиган сливочного оттенка с одной большой деревянной пуговицей... Высокие бежевые сапоги... Небольшая шкатулка для украшений.

Белье тоже оказалось кремовое, с кружевными рюшами. У Алисы оно было весьма легкомысленное и ничем не примечательное: на трусиках резвились морские коньки, а лифчики были хлопковые, фиолетовые, с застежкой спереди.

Она вытянула платье перед собой и увидела, что оно на удивление красиво – простого покроя, из шелковистой ткани в мелкий цветок. Цвет кардигана точно вторил цвету рисунка.

Она взглянула на этикетку. Восьмой размер. Для нее слишком маленькое. Не ее это платье.

Она положила его обратно в пакет, открыла шкатулку, вынула тонкую золотую цепочку с большим топазом. На ее вкус, он был, пожалуй, великоват, но, приложив его к платью, она увидела, что сочетаются они как нельзя лучше. Хороший у тебя вкус, неизвестная.

Следующим оказался ее, Алисы, собственный золотой браслет от Тиффани, с

подвесками.

Алиса произнесла: «Какими судьбами?» – вынула браслет, положила на запястье и тут же успокоилась, как будто Ник наконец-то приехал.

Он купил этот браслет на следующий день после того, как они узнали о ее беременности. Ему не следовало так тратиться, ведь перед ними маячила перспектива «сильнейшего финансового давления», как называл его Ник. Как-то так получалось, что любой расход по дому оказывался гораздо больше, чем они рассчитывали. Но Ник говорил, это можно списать на непредвиденные расходы, а туда можно отнести все что угодно. Ведь то, что они ждут ребенка, и есть самая настоящая неожиданность.

Орех был зачат в ночь на среду, но столь примечательное событие не было отмечено почти ничем, и даже секс не был ни особенно страстным, ни чересчур романтичным. В тот вечер по телевизору было нечего смотреть, Ник зевнул и сказал: «Надо бы прихожую покрасить», Алиса лениво отозвалась: «Давай лучше сексом позанимаемся», Ник опять зевнул и ответил: «Угу, хорошо». А потом они обнаружили, что в прикроватной тумбочке не оказалось презервативов, а потом и одному, и другому было уже совсем не до того, чтобы бежать в ванную и искать их там. Была самая обыкновенная среда, да и дело было всего лишь раз, ну и как-никак они были женаты. Им разрешалось заводить детей, хотя сейчас время для этого не совсем удачное. На следующий день Алиса все же нащупала презерватив у дальней стенки ящика – нужно было всего лишь засунуть руку подальше. Но дело было сделано. Орех уже был на пути к тому, чтобы стать человеком.

В тот день, когда восьмой подряд тест оказался положительным (на случай если с первыми семью было что-то не так), Ник пришел с работы, протянул ей завернутую в подарочную бумагу маленькую коробку с прикрепленной карточкой «Матери моего ребенка». А в коробке был этот самый браслет.

Честно сказать, он нравился ей даже больше, чем обручальное кольцо.

А еще честнее сказать, обручальное кольцо ей нисколько не нравилось. Она его почти ненавидела.

Об этом не знала ни одна живая душа. Это был ее единственный большой секрет, и она даже жалела, что, в сущности, он был совсем невинен. Кольцо было старинное, эдвардианское и принадлежало в свое время бабушке Ника. Алиса ни разу не встречалась с бабушкой Лав, грозной, но обожаемой (с весьма противным голосом). Четыре сестры Ника, которых он прозвал «чекушками», потому что они и правда были слегка чокнутыми, просто с ума сходили по этому кольцу и долго возмущались, что по завещанию оно отошло к Нику. Какая-нибудь из «чекушек» могла ни с того ни с сего схватить Алису за левую руку и высокомерно бросить: «Да, теперь таких нигде не найдешь!»

Алисе же оно казалось на редкость уродливым. Большой изумруд лепестками окаймляли мелкие бриллианты. Почему-то оно напоминало ей цветок гибискуса. Гибискус она никогда особенно не любила, но знала одно: половина девушек в мире, казалось, находили кольцо просто божественным и думали, что оно стоит целое состояние.

Но это было еще не все. Кольцо было самым дорогим из Алисиных украшений, а она постоянно все теряла. Это было обычное дело. Она возвращалась обратно по своим следам, вытряхивала мусорные корзины, звонила в бюро находок железнодорожных станций с расспросами, нет ли у них ее кошелек, солнцезащитных очков или зонтика.

– Только этого еще не доставало! – воскликнула Элизабет, узнав, что кольцо Алисы – это единственная в своем роде семейная ценность. – Ты хоть... ну, я не знаю... к пальцу его

пришей, что ли.

Алиса почти и не надевала его, разве что на какое-нибудь важное событие или перед встречей с «чекушками». Она предпочитала свое свадебное, совсем простое, да и то не всегда. Драгоценности никогда не кружили ей голову.

А вот браслет от Тиффани она по-настоящему любила. Куда до него кольцо: он воплощал в себе все лучшее, что случилось с ней за последние годы, – Ника, ребенка, дом.

Она застегнула браслет, откинулась на белую больничную подушку, положила на живот рюкзак. Ей вдруг пришло в голову, что браслетов таких, наверное, куча и, вполне возможно, он чужой, ведь все остальное было не ее! И в то же время она точно знала, что браслет принадлежит ей.

Все больше сердясь, она мысленно обратилась сама к себе: «А ну! Вспоминай! И почему ты всегда такая глупая! Почему что-нибудь этакое всегда случается именно с тобой?»

Она яростно сунула руку в сумку и достала кошелек – прямоугольный, дорогой, блестящей черной кожи. Алиса озадаченно покрутила его в руках и заметила скромные буквы: «Гуччи». Ничего себе! Она открыла кошелек, и с водительского удостоверения на нее взглянуло ее же лицо.

Лицо – ее. Фамилия – ее. Адрес – ее.

Значит, и рюкзак тоже ее!

Фото, как водится в таких случаях, не отличалось четкостью, но видно было, что на ней белая блузка и что-то вроде длинных черных бус. Длинные бусы? С каких это пор ей стали нравиться длинные черные бусы? Волосы до плеч были подстрижены под «боб» и очень сильно осветлены. Она подстриглась! А ведь Ник взял с нее обещание, что этого никогда не будет. Алиса находила длинные волосы ужасно романтичными, хотя, когда она сказала об этом Элизабет, та саркастически хмыкнула и ответила: «В сорок лет нельзя обещать, что прическа у тебя будет как у четырнадцатилетней».

В сорок...

Ой...

Алиса положила руку за голову. Ей смутно вспоминалось, что вроде бы волосы у нее были затянуты в конский хвост; до нее не доходило, что сейчас он больше напоминает пороссячий. Она нашарила эластичную ленту и запустила пальцы в волосы. Они были еще короче, чем на фотографии в правах. Интересно, нравится ли Нику такая стрижка. А сейчас нужно собрать все силы и взглянуть в зеркало.

Ну да, конечно, вот именно сейчас она очень занята. Спешить ни к чему...

Она положила права обратно и порылась в кошельке. В нем оказались разные кредитные и банковские карты на ее имя и, между прочим, золотая «Американ экспресс». Это что – всего лишь символ статуса тех, кто водит «БМВ»? Библиотечная карта... Страховой полис автомобилиста... Медицинский страховой полис...

Простая белая визитная карточка некоего Майкла Бойла, аттестованного физиотерапевта с практикой в Мельбурне. На обороте было написано от руки:

Алиса!

Мы устроились, все в порядке. Часто думаю о тебе и о хороших временах.

Звони когда захочешь.

Целую, М.

Она бросила карточку на колени. Что еще за «хорошие времена», о которых так прозрачно намекает этот нахал Бойл? Ей не хотелось бы думать, что когда-то в Мельбурне она развлекалась с каким-то физиотерапевтом. И выражается так противно. Она представила себе лысого пузатого типа, с пухлыми руками и мокрыми губами.

Да куда же провалился этот Ник?

Может быть, Джейн забыла ему позвонить? В спортзале она вела себя как-то уж очень странно, уж очень. Алиса должна была бы сама ему позвонить и объяснить, что все довольно-таки серьезно и ей нужно, чтобы он сейчас же отпросился с работы. И как она раньше об этом не подумала? Ей остро захотелось самой взять в руку телефон и услышать ласковый знакомый голос Ника. Ей вдруг показалось, что они не разговаривали с незапамятных времен.

Она поспешно обвела глазами маленькую комнату – понятно, никакого телефона не было и в помине. Вообще ничего не было – только раковина, зеркало и плакат с пояснениями, как правильно мыть руки.

Мобильник! Вот что ей было нужно. Она совсем недавно обзавелась им. Он был старый, достался ей от отца Ника и работал вполне прилично, если не считать того, что обе его половинки удерживались резинкой. Что-то подсказывало ей, что теперешний ее телефон должен быть подороже, и когда она открыла молнию на кармане передней стенки сумки, то обнаружила, что так и есть: тонкий серебристый аппарат лежал именно там, как будто она заранее знала об этом. Знала? Она не сказала бы точно.

Здесь нашелся и ежедневник в кожаной обложке, который Алиса тут же открыла и убедилась, что год сейчас действительно две тысячи восьмой. И с тоской обнаружила, что страницы исписаны ее рукой. Наверху каждой страницы стояло неопровержимое: 2008, 2008, 2008. Она закончила перелистывать страницы и взяла в руку серебристый телефон, задыхаясь часто-часто, как будто ей на грудь опустилась тяжелая металлическая плита.

Да умеет ли она обращаться с этим незнакомым ей телефоном? Новые устройства она всегда осваивала с превеликим трудом, но ее пальцы с шикарным маникюром уверенно нажали кнопки по бокам, и крышка отскочила. Она набрала прямой номер Ника и прижала телефон к уху. Пошел гудок. Отвечай, ну отвечай же... Ей казалось, что при первых же звуках его голоса она расплачется от счастья.

– Здравствуйте, департамент продаж слушает! – ответил приветливый, с юморком девичий голос.

Из трубки слышались раскаты хохота.

– Скажите, Ник на месте? – спросила Алиса. – Ник Лав.

Повисла небольшая пауза. Девушка снова заговорила, но уже серьезно, как будто получила выговор. Смех в трубке резко оборвался.

– Извините, вы набрали не тот номер. Хотите, я соединю вас с референтом мистера Лава?

Слово «референт» заставило Алису озадаченно замолчать. Шикарно, однако...

Девушка затрещала так быстро, как будто Алиса собиралась с ней спорить:

– Мистер Лав на этой неделе в Португалии, вам, наверное, лучше обратиться к его референту...

– В Португалии... – повторила за ней Алиса. – И что же он там делает?

– По-моему, он на какой-то международной конференции, – неуверенно ответила

девушка. – Но я могу соединить вас...

Португалия, референт... Значит, он пошел на повышение. Так это надо отметить шампанским!

– Скажите, пожалуйста, что за должность у мистера Лава? – хитроумно осведомилась Алиса.

– Он у нас главный управляющий, – ответила девушка таким тоном, будто об этом знала каждая собака.

Ну и ну!

Не просто работа, а Работа с большой буквы!

Это значит – высоко забрался. Точно сказочный великан, семимильными шагами вверх по корпоративной лестнице. Алиса чуть не захихикала добродушно, представляя себе, как Ник – Ник! – хозяйски расхаживает по офису и раздает ценные указания направо и налево. Неужели над ним не смеются?

– Соединяю с референтом, – произнесла девушка уже совсем казенно.

Телефон щелкнул и снова зазвонил.

– Офис мистера Лава, Аннабель, слушаю вас, – донесся из трубки мягкий женский голос.

– Мм... – замялась Алиса. – Это жена Ника... то есть мистера Лава. Я хотела бы поговорить с ним, но... э-э...

– Здравствуйте, Алиса. – В голосе женщины сразу же послышались металлические нотки. – Как вы себя чувствуете сегодня?

– Ну, вообще-то...

– Как вам известно, Ник будет в Сиднее только в понедельник утром. Конечно, если у вас что-то срочное, я могу попробовать послать ему сообщение, но мне не хотелось бы его беспокоить. У него там очень напряженный график.

Что это за противный тон у этой женщины? Она явно знает ее, Алису. И с чего это вдруг она ее так невзлюбила?

– Так у вас что-то срочное или нет?

Ей не показалось. В голосе звенела нескрываемая ненависть. Голова у Алисы разболелась еще сильнее. Ей хотелось сказать: «Слушайте, я в больнице. Меня на „скорой“ привезли!»

«Как бы мне хотелось, чтобы ты не позволяла себя топтать», – всегда говорила ей Элизабет. Бывало, Алиса уже и не помнила, что произошло, а Элизабет напоминала: «Я вчера весь вечер думала, что сказала тебе та женщина в аптеке. Просто из головы не идет, как можно такое проглотить! Бесхребетная ты какая-то!» Алиса тогда опускалась на пол, расплываясь, точно медуза, и всем видом показывая – да, она бесхребетная. Элизабет восклицала досадливо: «Будет тебе!»

Вот в чем была сложность: Алисе приходилось долго готовиться, чтобы проявить хоть мало-мальскую напористость. Что-нибудь этакое всегда случалось неожиданно. Ей нужен был не один час, чтобы все обдумать и взвесить. На самом деле все они были такие злые или это она оказалась слишком уж чувствительной? Или утром они узнали, что неизлечимо больны, и от этой новости настроение, понятно, ухудшилось?

Она уже собралась ответить референту Ника умоляющим, противно-жалостным голосом, но, против всяких ожиданий, ее тело повело себя совершенно по-новому. Выпрямилась спина. Вздернулся подбородок. Напряглись мускулы брюшного пресса. Она

заговорила, но даже не узнала собственный голос – гордый, ядовитый и невозможно высокомерный.

– Да, срочное, – произнесла она. – И притом весьма! Произошел несчастный случай. Передайте Нику, чтобы он позвонил мне как можно скорее.

Даже если Алиса ухитрилась бы сделать тройное сальто назад, она удивилась бы гораздо меньше.

Из трубки послышался вздох, и все еще презрительный женский голос произнес:

– Хорошо, Алиса, посмотрим, смогу ли я...

– Буду весьма признательна. – Алиса нажала на кнопку отбоя. – Корова! Сучка! Проститутка! – Она выплюнула из себя эти три слова, словно отравленные стрелы.

Алиса сглотнула слюну и удивилась еще больше: она говорила точно татуированная девчонка, которая не боится склок и даже находит в них удовольствие.

Мобильник в ее руке зазвенел, и она даже подпрыгнула.

Она подумала, что это наверняка Ник, и ее затопило облегчение. Пальцы снова действовали уверенно. Она нажала кнопку с зеленым значком телефона и спросила:

– Ник?

– Мам, ты? – отозвался сердитый детский голос.

Клевые заметки классной прабабушки!

Я сегодня что-то взвинчена. Прошу прощения за то, что мне хочется «выговориться», как сейчас говорят молодые. Вообще-то, я это слово терпеть не могу, но эта мода такая прилипчивая!

Как известно многим из вас, я возглавляю общественный комитет Транквиллити-Вуд. В последнее время мы заняты подготовкой к вечеру семейных талантов. Он состоится в следующую среду. Выступать будут члены наших семейств: дети, внуки и так далее. То-то будет весело! Понятно, что некоторые номера дадутся нелегко, но хоть на какое-то время мы перестанем думать о своих артритах.

Сегодня на собрании общественного комитета появился наш новый жилец. Теперь я всегда радуюсь всякой свежей идее, поэтому с удовольствием представила Джентльмена Икс. Думаю, в Транквиллити-Вуд мой блог никто не читает: большинство этих милых старичков и не подозревает о существовании Интернета, но все же имен лучше не называть.

Джентльмен Икс излил на меня целый поток предложений.

На этих вечерах мы подаем обычно чай, кофе, сэндвичи и булочки. Джентльмен Икс замахнулся аж на коктейль-бар. По его рассказам, он год проработал барменом на каком-то острове в Карибском море и мог приготовить такой коктейль, что «просто зашибись». Я не шучу. Он выражается именно так.

Потом он сообщил, что знает одну девушку, которая, вообще-то, не член семьи, но тоже может выступить с номером, если я не против. Конечно, я согласилась. Он ответил, что это просто здорово: она классно танцует на шесте. Все мужчины покатались со смеху, захлопав себя по коленям. Ничего смешного! Сексист. Развратник. Смеялись даже некоторые женщины. Рита просто ржала как лошадь. Понятно, у нее старческое слабоумие, но все-таки...

А потом произошло что-то непонятное. Ни с того ни с сего мне вдруг захотелось разрыдаться. Я как будто перенеслась в свой самый первый по выходе из колледжа год работы в школе, в свой самый первый класс. Если вы не читали раздел «О себе», сообщаю: я двадцать лет проработала преподавателем математики. Десять лет – заместителем директора и десять лет – директором. Так сказать, положила жизнь на алтарь просвещения. В моем классе был такой ученик – Фрэнк Нири. Его озорная мордашка прямо стоит у меня перед глазами. Умный мальчик, но совершенно неуправляемый. Этаким возмутитель спокойствия, шуточкам которого смеялись все мальчишки. От них я казалась самой себе противной и скучной – ни дать ни взять тетка, оставшаяся в старых девах.

Ясное дело, в каждом классе был свой Фрэнк Нири, и я быстро научилась приструнивать их. Но тогда я была слишком молода, неопытна и из-за Фрэнка чувствовала себя настоящей занудой. Точно такое же чувство охватило меня и сегодня.

Ребята, с чувством юмора у меня все в порядке! Против хорошей шутки я ничего не имею! Но танцы на шесте! Вам ведь тоже не смешно, да?

Так вот, следующим пунктом повестки дня был тот самый **противоречивый вопрос**, о котором я писала в предыдущем посте. (Вам, конечно, было что сказать на эту тему! И пощипали же вы меня!) Я думала, что Джентльмен Икс меня уж точно не поддержит. Как вдруг...

Я страшно расстроена, просто ужасно! Только что мне позвонила «дочь», **Барб**, и сказала, что **Алиса**, моя «внучка», неудачно упала в спортзале – очень уж часто она туда ходит, мне кажется, – и попала в больницу. Особенно же мне грустно оттого, что ей и так сейчас сложно; только этого еще недоставало! Похоже, Алиса так сильно ударилась головой, что потеряла память и ей кажется, что теперь 1998 год. Хуже не бывает. Я, конечно, уверена, что память скоро вернется, но пока это все очень тревожно и отодвигает на задний план мелкие заботы. На сегодня заканчиваю. Как только что-то прояснится – сразу же сообщу.

КОММЕНТАРИИ

Берил

Сочувствую вам, Фрэнни! Передайте этому противному Иксу, что его не ждут в общественном комитете! Молимся за Алису, всем сердцем с ней!

Парень из Брисбена

По-моему, из комментирующих я здесь единственный представитель мужского пола, и вы, женщины, скорее всего, меня ошарашиваете, только объясните мне, пожалуйста: что плохого в том, если на семейном мероприятии будет коктейль-бар? Для меня это большая загадка. Я за предложение Икса!

(Извините, Фрэнни, но я смеюсь от души. Простите великодушно ☺) Я просто хотел поднять настроение).

ДорисизДалласа

А что, если вам пригласить Джентльмена Икс на бокал вина и как следует обговорить с ним все? Используйте свои женские чары! Можно даже испечь луково-сырный пирог, о котором вы писали в предыдущем посте! P. S. А почему вы берете «дочь» и «внучка» в кавычки?

Супербабулька

Какое несчастье! И для вас, и для Алисы! Пришла беда – отворяй ворота. Сообщайте нам, как дела.

Леди Джейн

Расскажите Алисе: как-то раз я упала в обморок в отделе заморозки в «Вулиз», а когда пришла в сознание, то почему-то назвала свою девичью фамилию! А тогда я

уже сорок три года как была замужем! Память очень занятно устроена.

Фрэнк Нири

Здравствуйтесь, мисс Джеффри! Сегодня я искал в «Гугле» свое имя и наткнулся на вашу запись. Извините, что я был таким хулиганом, но я с огромным удовольствием вспоминаю наши уроки математики. По-моему, я даже был чуточку влюблен в вас. Я стал инженером и не сомневаюсь, что всех своих успехов достиг благодаря вашей огромной работе.

Чудачка Мейбел

Я совсем недавно набрела на ваш блог. Поздравляю! Такое забавное чтение! Я тоже прабабушка, живу на другой стороне планеты (Индиана, США!) и подумываю стать блогером. Вопрос: как ваше семейство относится к тому, что вы о нем пишете? Мои бы, я думаю, хихикали.

АБ74

Неужели правда комментарий написал Фрэнк Нири, ваш бывший ученик? Ну ничего себе! Мощь Интернета в действии!

– Мам? – нетерпеливо повторил ребенок.

Алиса не могла разобрать, кто это – мальчик или девочка. Голос был самый обыкновенный, детский. Он чуть задыхался, будто от спешки, и был немного сердит. Звучал, впрочем, приятно. Ей мало приходилось говорить по телефону, разве что по случаю дней рождения племянников и племянниц Ника, но их голоса были для нее настоящей музыкой. Когда же она их видела, они казались ей гораздо больше, страшнее и даже грязнее.

Ладонь у нее взмокла от пота. Она крепче ухватила трубку, облизнула губы и хрипло сказала:

– Алло!

– Мам! Ну это же я! – рвался голос из трубки, как будто ребенок кричал ей прямо в ухо. – Почему ты подумала, что это папа? Он что, тебе звонит из Португалии? А? Когда будете говорить, скажи ему: игра для «Икс-бокса» называется «Затерянная планета: экстремальные условия», ладно? Все поняла? Мне кажется, папа не запомнил названия. Мам, это очень важно, ты, может, запишешь на всякий случай? Слушай внимательно! Затерянная планета... Экстремальные условия... А ты, вообще-то, где? Мы идем купаться, а ты ведь знаешь, я терпеть не могу опаздывать, потому что тогда придется тащиться на этом дурацком водном велосипеде! Ой, дядя Бен идет! Он отвезет нас купаться! Ура! Здорово! А чего ты нам не сказала? Дядя Бен, привет! Ну пока, мам!

Что-то пискнуло, глухо стукнуло, издали послышались радостные детские крики. Мужской голос сказал: «Всем привет, народ!» – и зазвучал сигнал отбоя.

Алиса уронила телефон на колени и уставилась в проем двери, открытой в больничный коридор. Кто-то в зеленой шапочке быстро уходил по нему со словами: «Ну дайте же передохнуть». Где-то далеко плакал новорожденный.

И с кем же, спрашивается, она сейчас говорила? С Орешком?

Она даже не знала, как зовут этого ребенка. Насчет имен они все еще спорили. Ник был

за Тома: как он говорил, «настоящее солидное мужское имя». Алисе нравилось имя Итан, в котором ей слышалось что-то сексуальное и удачливое. А если бы Орешек выкинул штуку и оказался девочкой, Алиса хотела бы назвать ее Маделин, а Ник выбрал Аддисон, ведь девочкам настоящие солидные имена не нужны.

Алиса подумала: «Я не могу быть матерью ребенка и не знать, как его зовут. Такого не может быть. Это за гранью возможного».

Но, может, это неправильный номер! Ребенок говорил про какого-то дядю Бена. В семье Алисы такого дяди никогда не было. И вообще никакого Бена она не знала. У нее не было ни одного знакомого с таким именем. Она как могла напрягала память, но ей вспомнился только огромный бородатый продавец в магазине с неоновой вывеской под названием «Психические искусства», принадлежавшем старшей сестре Ника Доре. Пожалуй, она самая чокнутая из «чекушек». Этого продавца Алиса видела лишь однажды; впрочем, может быть, его звали Билл или Брэд.

Загвоздка была вот в чем – ребенок спросил: «Почему ты подумала, что это папа?» – когда она произнесла имя Ник. И потом, он знал, что Ник сейчас в Португалии.

Да, это было за гранью возможного, но, с другой стороны, определенная логика тоже просматривалась.

Она быстро закрыла глаза, открыла их снова, силясь представить сына, которому не исполнилось еще и десяти лет. Какой он – высокий или нет? Какого цвета у него глаза? А волосы?

Что-то в ней готово было завопить от явного ужаса всей этой ситуации, а что-то – захохотать от ее нелепости. Невероятная шуточка. Смехотворная история, которую она будет пересказывать много лет: «А после я звоню Нику, и эта женщина говорит мне, что он в Португалии. А я не могу взять в толк, как это – в Португалии?»

Она взяла телефон осторожно, как будто это было взрывное устройство, и задумалась, кому бы еще позвонить: Элизабет? Маме? Фрэнни?

Нет... Ей больше не хотелось слышать незнакомые голоса, сообщающие что-то неизвестное о тех, кого она любила.

Тело ослабело и отяжелело. Ничего она не будет делать... Совсем ничего. Рано или поздно что-то произойдет, войдет кто-нибудь наконец. Врачи починят ей голову, и все будет хорошо. Она стала запикивать вещи обратно в сумку. Когда она взяла ежедневник в кожаной обложке, из него выпала фотография.

Трое детей в школьной форме. Очевидно, они позировали, потому что рядом сидели на ступеньке, уперев локти в колени, а подбородком упираясь в ладони. Это были две девочки и мальчик.

Мальчик сидел в середине. У него были почти белые растрепанные волосы, оттопыренные уши, курносый нос. Он склонил голову набок и стиснул зубы в преувеличенной гримасе, изображая то, в чем Алиса узнала улыбку. Она это точно знала, потому что видела, наверное, сто фотографий своей сестры с похожим выражением лица. «И зачем только я это делаю?» – грустно говорила Элизабет, глядя на снимок.

Девочка справа от мальчика выглядела постарше. Она вся была какая-то вялая, с длинным лицом и прямыми как палки каштановыми волосами, забранными в хвост, который падал на плечо. Она подалась вперед, всем своим видом показывая, как не нравится ей сидеть в этой смешной позе. Рот был сжат в узкую полоску, и она угрюмо смотрела куда-то вправо от камеры. На пухлой коленке была заметна большая некрасивая ссадина, а шнурки

на ботинках были развязаны. В ее чертах не было совершенно ничего знакомого.

У маленькой девочки слева светлые кудрявые волосы были стянуты в два хвостика. Рот у нее растянулся в самой радостной улыбке, на пухлых ангельских щечках виднелись две глубокие ямочки. На уголках воротничка школьной формы было что-то вроде аппликации; Алиса поднесла фотографию ближе, чтобы приглядеться. Это были блестящие динозавры, точно такие же, как у Алисы на майке.

Алиса перевернула снимок и прочла отпечатанную на машинке наклейку:

Дети (слева направо): Оливия Лав (K2), Том Лав (Yr4B), Мадисон Лав (Yr5M)

Родитель: Алиса Лав

Заказано отпечатков: 4

Алиса повернула снимок к себе и стала внимательно разглядывать детей.

Я вас никогда в жизни не видела...

В ушах слышался отдаленный шум; она чувствовала, что дышит коротко, неглубоко, грудь быстро поднимается и опускается, как будто она оказалась на большой высоте. «О, так было смешно! Ну вот, я смотрю на фотографию этих троих детей. Собственных детей! И вообще никого не узнаю. Жуть просто!»

Еще одна незнакомая медсестра вошла в палату, быстро взглянула на Алису и взяла планшет с ее кровати:

– Извините, что заставляем вас ждать так долго. Мое начальство заверило: через несколько минут ваша койка будет готова. Как вы себя чувствуете?

Алиса поднесла кончики дрожащих пальцев к голове и произнесла с истерическими нотками в голосе:

– Дело в том, что я не могу припомнить последние десять лет своей жизни.

– Мы, пожалуй, организуем для вас чай и сэндвичи, – сказала сестра, посмотрела на фотографию у Алисы на коленях и спросила: – Ваши?

– Похоже, – ответила Алиса.

Она коротко усмехнулась, потом всхлипнула. Соленый вкус слез оказался очень знакомым, она подумала: «Ну хватит! Надоело, надоело, надоело плакать». И что все это значило? Ведь она не плакала так с самого детства, и все равно она не могла перестать, даже если бы и сильно захотела.

Домашняя работа, выполненная Элизабет для доктора Ходжеса

Во время дневного перерыва на чай я позвонила на мобильник Бена и через страшный ор, как будто вопило двадцать детей, а не трое, он сказал мне, что забрал их из школы и сейчас везет на тренировку по плаванию, а еще, что ему сказали: тренировки ни в коем случае пропускать нельзя, потому что Оливия только что стала крокодилком, или утконосом, или еще кем-то там, и я расслышала булькающий смех Оливии и громкий голос: «Дельфин, глупый ты!» Я слышала и Тома – он, наверное, сидел на переднем сиденье рядом с Беном и монотонно бубнил: «Превышение скорости пять километров, превышение скорости четыре километра, а сейчас на два километра меньше разрешенной скорости».

Бен говорил напряженно, но радостно. Куда веселее, чем в предыдущие несколько месяцев. Алиса крайне редко просила (доверяла) нас забрать детей из школы и отвезти на плавание, и я знаю, что наверняка Бен ликовал, получив такое ответственное задание. Я представляла себе, как люди, ожидая сигнала светофора, смотрят на самого обыкновенного папашу – может быть, чуть покрупнее и побородатее, чем средний родитель, – с тремя детьми.

Если я буду думать об этом слишком много, то мне будет больно, так что хватит.

Бен сказал, что Том сейчас разговаривал с Алисой по мобильнику и она ему не сказала, что упала в спортзале, вообще говорила как всегда, «разве что процентов на десять-пятнадцать сердитее». Он, наверное, в школе как раз изучает проценты.

Непонятно почему, но я не сразу додумалась сама позвонить Алисе на мобильный. И вот теперь я тут же набрала ее номер.

Она ответила, но голос ее звучал так необычно, что я не сразу его узнала и подумала, что со мной говорит медсестра. Я произнесла: «О, извините! Я хотела поговорить с Алисой Лав» – и только потом поняла, что говорю с Алисой, а она всхлипывает: «О, Либби, это ты, слава богу!» Это было просто ужасно: она рыдала, как истеричка, плела что-то о фотографии, об приложениях в виде динозавров, о красном платье не своего размера, но исключительно красивом, о том, что напилась до беспамятства и каким-то образом оказалась в спортзале, зачем Ник поехал в Португалию, о том, что не знает, беременна она или нет, что думала, будто сейчас девяносто восьмой год, хотя все ей говорили, что сейчас две тысячи восьмой. Я порядком испугалась. Не помню, когда в последний раз я заставала Алису в слезах. И не помню, когда она в последний раз называла меня Либби. За минувший год она пролила немало слез, но только не при мне. Наши беседы всегда отличаются ужасно вежливой сдержанностью, и обе мы стараемся быть как можно разумнее и спокойнее.

Признаться, мне стало даже лучше, когда я услышала плач Алисы. Чувствовалось, что она не кривит душой. Она уже давно нуждается во мне, и я уже давно привыкла осознавать себя старшей сестрой, защищающей Алису от всего на свете. Доктор Ходжес, мне пора кончать сорить деньгами и начать самой разбираться в себе.

Так вот... Я сказала ей, что нужно взять себя в руки, что я сейчас же еду к ней и все сама выясню, а потом вернулась на сцену, объявила, что в моей семье произошел несчастный случай и мне нужно уехать, но что моя помощница Лейла доведет занятие до конца. Взглянув

на Лейлу, я заметила, как она вся порозовела от радости. Теперь можно было не беспокоиться.

Почти наверняка Алису доставили в больницу Роял-Норт-Шор.

Каждый раз, когда я въезжаю на эту парковку, у меня возникает чувство, будто я проглотила что-то огромное. Это огромное похоже на якорь, который спускается вниз по моему пищеводу и обеими лапами раздирает мне живот.

Вот еще что: небо всегда кажется неоглядным, как большая пустая ракушка. Почему? Въезжая, я обязательно должна взглянуть вверх, или, может быть, оттого, что я ощущаю себя крошечной и совершенно бесполезной, или потому, что тут все дело в географии и дорога поднимается, а потом ныряет на парковку.

«Я здесь из-за Алисы», – напомнила я себе, выходя из машины.

Но куда бы я ни смотрела, я видела лишь старые версии Бена и себя. Мы здесь завсегда. Доктор Ходжес, окажетесь там – смотрите в оба, не пропустите нас. Мы обязательно там будем: шаркать ногами по дорожке на парковку в солнечный, отчаянно холодный день; я буду в нелепой хипповской юбке, из которой не вылезаю, потому что ее не надо утюжить, держу Бена за руку, позволяя ему себя вести и, уткнувшись взглядом в землю, бубнить как заклинание: «Не думать об этом... Не думать об этом... Не думать об этом...» Вы увидите, как у стойки регистрации мы заполняем бланки, а Бен стоит чуть сзади меня, небольшими круговыми движениями растирая мне поясницу, а я чувствую, как эти движения помогают мне вдохнуть и выдохнуть, точно аппарат искусственной вентиляции легких. А вот мы, прижатые к задней стенке лифта радостно оживленным семейством, с цветами и воздушными шариками с надписью «С девочкой!». Мы, защищаясь, обхватываем себя руками, совершенно одинаково, как будто обнимая, заслоняя себя от любых радостей.

На прошлой неделе вы мне сказали, что это на меня не похоже. Однако нет, доктор Ходжес: похоже, и даже очень.

Не думать об этом.

Я шла по гулким коридорам, мои каблуки громко стучали. И этот запах! Доктор Ходжес, вам, конечно, знаком этот запах вареной картошки, от которого начинает щекотать в носу при первом же воспоминании о больнице. Я отгоняла от себя плохо одетых призраков прошлых больничных визитов, сосредоточивалась на Алисе, удивлялась, неужели она все еще думает, что сейчас девяносто восьмой год, и если да, то на что это может быть похоже. Я могла сравнить это только с одним случаем: подростком я ужасно напилась на двадцать первом дне рождения одного молодого человека, встала и произнесла замысловатый тост в честь виновника торжества, с которым до этого не была даже знакома. Утром у меня не осталось никаких, даже самых смутных воспоминаний о том, что было накануне. По-моему, в ту мою речь у меня затесалось слово «нехватка», и это меня беспокоило, потому что на трезвую голову я никогда ничего похожего не произносила вслух и даже не совсем представляла себе, что бы это значило. Потом я уже никогда так не напивалась. Я бдительно контролирую себя, чтобы не позволить никому покатываться со смеху, рассказывая мне же о том, что я делала.

Если я не могу позволить себе терять два часа собственной памяти, представляете, каково потерять десять лет?

Пока я искала палату Алисы, мне вдруг вспомнилось, как мама, Фрэнни и я, хихикая от радостного волнения, точно как то семейство в лифте, почти бежали по коридорам другой больницы и искали палату Алисы в тот день, когда на свет появилась Мадисон. Вдалеке мы

случайно заметили спину Ника, хором позвали его, он обернулся и, дожидаясь нас, кругами забегал на месте, потрясая в воздухе сжатыми в один кулак ладонями, как Рокки. Фрэнни прочувствованно сказала: «Какой же чудак!» А я тогда встречалась с одним градостроителем, который относился ко мне покровительственно, свысока, и в тот же день решила с ним порвать: ведь его Фрэнни точно никогда не назвала бы чудаком.

Если эти десять лет совершенно выпали из памяти Алисы, то она, значит, не помнит ни того дня, ни Мадисон в грудном возрасте. Она не помнит, как они все вместе ели из жестяной коробки конфеты «Кволити-стрит», когда пришел педиатр, чтобы проверить Мадисон. Он вертел ее туда-сюда, держал на руке с привычной уверенностью, как баскетболист, играющий с мячом, Алиса и Ник одновременно кричали: «Осторожно!» – мы все смеялись, педиатр улыбался и говорил: «Замечательная у вас дочка, что называется, на сто баллов». Мы все захлопали в ладоши, веселыми криками поздравили Мадисон с ее первой высокой оценкой, а врач аккуратно завернул ее в белое одеяльце, как в пакетик для рыбы с жареной картошкой, и с поклоном передал Алисе.

До меня наконец начало доходить, как много всего случилось с Алисой за последние десять лет. Вот и ее палата. Заглянув через стекло двери, я увидела, что она сидит, опираясь на подушки и положив руки на колени, в отгороженном шторами закутке и смотрит прямо перед собой. Ни единого цветного пятна. На ней белый больничный халат, под спиной белая подушка, на голове – белая эластичная повязка, и даже лицо белое, как у покойницы. Такое спокойствие для Алисы очень необычно; движения у нее быстрые, резкие. Она может одновременно писать эсэмэску, крутить на пальце связку автомобильных ключей, держать одного из детей за локоть и строго его отчитывать. Она вечно занята, занята, занята.

Десять лет назад она была совсем не такая. По воскресеньям они с Ником поднимались не раньше полудня. «Когда уж они удосужатся отремонтировать свою домину...» – точно старухи, ворчали мама, Фрэнни и я.

Она не сразу меня заметила, а когда я подошла ближе, она моргнула. Глаза на бледном лице казались огромными, ярко-синими, а самое главное, она смотрела на меня по-другому, но знакомо. Не знаю, как лучше описать это, но тут меня посетила странная мысль: «Ты вернулась».

Доктор Ходжес, хотите знать, что она сразу же сказала мне?

Она сказала: «Ой, Либби, что это с тобой?»

Я ведь говорила вам, что это хорошо меня определяет.

А может быть, все дело в морщинках.

Наконец Алису перевели в палату, выдали больничный халат и дистанционное управление для телевизора. Женщина вкатила тележку с чашкой жидкого чая и четыремя крошечными сэндвичами с ветчиной и сыром. Медсестра оказалась права: после чая и сэндвичей ей стало лучше, вот только гигантский провал, зияющий в памяти, они так и не сумели восстановить.

Когда из мобильного раздался голос Элизабет, это было похоже на то, как она звонила домой из той кошмарной поездки по Европе, которую совершила в девятнадцать лет. Тогда она старалась представить себя совсем другой – такой бесстрашной одиночкой, человеком, который в состоянии днями напролет лазить по соборам и руинам, а по вечерам в молодежных хостелах болтать с пьяными парнями из Брисбена, хотя на самом деле ей страшно хотелось домой, было очень одиноко и скучно, а расписание поездов

представлялось неразрешимой загадкой. От голоса Элизабет, четкого, ясно слышного с помощью телефонного аппарата на другом конце света, Алисе становилось спокойно до того, что подгибались колени, она прижималась лбом к стеклу и думала: «Все правильно, я настоящая».

– Сейчас моя сестра придет, – завершив разговор, сказала она женщине в униформе, будто оказывая ей доверие, как достойному человеку, который знаком с твоей семьей.

Но когда Элизабет первый раз подошла к кровати, Алиса вообще не узнала ее. Она смутно предполагала, что эта женщина в бежевом костюме, солнцезащитных очках и с развевающимися светлыми волосами до плеч должна быть, наверное, администратором этой больницы и пришла по своим делам, но потом в ее прямой осанке ей почудилось нечто от Элизабет, словно всем своим видом она говорила: «Попробуй тронь!»

Это был настоящий шок. Казалось, за один вечер Элизабет успела изрядно поправиться. У нее всегда было сильное, подтянутое спортивное тело, потому что она усердно занималась греблей, бегала трусцой, постоянно увлекалась еще каким-нибудь спортом. Сейчас она была не то чтобы толстой, но заметно шире, рыхлее и с более пышным бюстом; это была как бы увеличенная версия, словно ее надули, как игрушку для бассейна. Алиса подумала, что ей это точно не понравится. В вопросах питания Элизабет выказывала поистине железную волю и так решительно отвергала даже самый маленький кусочек торта со взбитыми сливками и фруктами, словно ей предлагали наркотик. Раз, когда Ник, Алиса и Элизабет отправились на выходные за город, Элизабет не пожалела времени на самое дотошное изучение информации о составе продукта на баночке с йогуртом, бросив им мрачно: «С йогуртом шутки плохи». Каждый раз после этого, когда Ник и Алиса ели йогурт, кто-нибудь из них обязательно вспоминал это «шутки плохи».

Когда женщина приблизилась и яркий свет прикроватной лампы осветил ее лицо, Алиса заметила вокруг рта Элизабет тонкую паутинку морщин. Точно такие же морщинки залегли во внешних уголках глаз, за стеклами элегантных очков. Глаза у Элизабет были большие, светло-голубые, с темными, как у Алисы, ресницами – они унаследовали их от отца. Эти глаза заслужили немало комплиментов, но теперь казались меньше и бледнее, как будто с них постепенно смывался цвет.

Эти блеклые глаза выражали усталость, тоску, изнуренность, будто их владелица потерпела жестокое поражение в битве, где ожидала только победы.

Алису укололо волнение; несомненно, случилось что-то ужасное.

– Как это понимать – что со мной? – отозвалась Элизабет на ее вопрос, причем так поспешно, так энергично, что Алиса засомневалась в себе самой.

Элизабет пододвинула к кровати пластиковый стул и села. Алиса тут же заметила, как некрасиво натянулась у нее на животе юбка, и быстро отвела глаза; от этого ей захотелось плакать.

– Это ведь ты попала в больницу. Поэтому тебя надо спрашивать: что с тобой?

Алиса почувствовала, что начала входить в роль неумной, безнадежной Алисы.

– Совершенно непонятно. Как будто приснилось все! Похоже, я упала в спортивном зале. Я – в спортзале! Я знаю! Если верить Джейн Тёрнер, я в пятницу занималась степом.

Теперь она могла быть глупой, потому что с ней была Элизабет – воплощенное здравомыслие.

Элизабет смотрела на нее так хмуро и сосредоточенно, что Алиса почувствовала, как сползает с лица глупая улыбка.

Она взяла с комода снимок, передала его Элизабет и как можно вежливее спросила:

– А это мои... – Так по-дурачки она себя не чувствовала еще никогда в жизни. – А это мои дети? – договорила она.

Элизабет взяла снимок, посмотрела. По ее лицу пробежала едва заметная тень и тут же исчезла.

– Да, Алиса. – Она осторожно улыбнулась.

– Никогда их не видела. – Алиса глубоко и прерывисто вздохнула и закрыла глаза.

– Я думаю, это временно. – Послышался вздох Элизабет. – Теперь тебе, наверное, нужно как следует отдохнуть, подкопить сил...

– А какие они? – спросила Алиса и открыла глаза. – Эти дети, они... хорошие?

– Отличные! – Элизабет овладела собой.

– Я хорошая мать? – задала Алиса следующий вопрос. – Они как у меня... ухоженные? И чем я их кормлю? Они такие большие!

– Дети – это вся твоя жизнь. Ты и сама скоро вспомнишь. Все скоро вспомнится. Только...

– Я, наверное, варила им сосиски, – широко улыбнувшись, сказала Алиса. – Дети просто обожают сосиски.

– Ты? – Элизабет пристально посмотрела на нее. – Да никогда в жизни!

– Я подумала было, что беременна, – продолжила Алиса. – Но мне сделали анализ крови и сказали, что точно нет. Я совсем ничего не чувствую, но не могу поверить, что не беременна. Просто не могу.

– Нет. Я не думаю, что ты...

– Трое! – произнесла Алиса. – А мы думали ограничиться двумя.

– Оливия у вас случайно получилась, – сухо, как будто осуждая, произнесла Элизабет.

– Все так нереально... – продолжала Алиса. – Как будто я Алиса в Стране чудес. Помнишь, я эту книжку просто терпеть не могла. В ней ничего понять было нельзя. Да и ты тоже ее не любила. Нам обоим нравилось только то, что понятно.

– Да, представляю себе, как это должно быть странно. Только это пройдет, ты в любой момент все можешь вспомнить. Ты, похоже, очень сильно ударила головой...

– Очень! Очень сильно, – сказала Алиса и взяла снимок. – Так... вот эта маленькая девочка. Она самая старшая, значит это мой первый ребенок? У нас была девочка?

– Да, девочка.

– А мы думали, мальчик.

– Помню.

– А роды! Роды, три раза! Как они прошли? Я так переживаю. То есть переживала...

– По-моему, с Мадисон все получилось легко, а вот с Оливией были сложности. – Элизабет поерзала на пластиковом стуле и добавила: – Алиса, слушай, пойду-ка я поговорю с твоим врачом. Мне кажется, это тяжелый случай. Непонятный. Я даже... боюсь.

Алиса в испуге потянулась к руке Элизабет. Она не могла и подумать, что снова останется одна.

– Побудь со мной, пожалуйста. Скоро кто-нибудь придет. Все время кто-нибудь заходит, меня проверяет. Представляешь, Либби, я позвонила Нику на работу, а мне сказали, что он в Португалии! В Португалии! И что он там забыл? Я оставила сообщение какой-то жуткой секретарше. Я с ней жестко разговаривала. Тебе бы понравилось! И никакая я была не бесхребетная. Наоборот, вся как будто стальная.

– Вот и хорошо, – откликнулась Элизабет.

Вид у нее был такой, будто она только что проглотила что-то очень противное.

– Только он так мне и не перезвонил, – закончила Алиса.

Домашняя работа, выполненная Элизабет для доктора Ходжеса

Только когда она заговорила о том, что Ник уехал в Португалию, до меня дошло очевидное, и мне стало даже страшнее, чем когда она спрашивала, хороши ли ее дети.

Она и правда забыла все.

Даже Джину.

– Значит, ты серьезно не помнишь, что было после девяносто восьмого года? – Элизабет пододвинула стул ближе к кровати Алисы и склонилась над ней, словно настало время докопаться до истины. – Вообще ничего?

– Так, какие-то обрывки забавные в голову приходят. Но все какая-то ерунда...

– Ну-ка, рассказывай! – потребовала Элизабет.

Лицо ее было совсем близко от Алисы, и морщины в углах рта оказались даже глубже, чем при первом взгляде. Вот это да... Алиса машинально провела пальцами по лицу; в зеркало она пока не успела посмотреться.

– Сначала мне снилось вот что... – начала она. – Впрочем, я не знаю, сон это или вспомнилось то, что было. Я плавала, было чудное летнее утро, и ногти у меня на ногах были покрашены в разные цвета. Со мной был еще кто-то, и тоже с разноцветными ногтями. Слушай... может, это была ты? Ну конечно ты!

– Нет, мне это ни о чем не говорит. Еще что?

Алиса подумала о связках розовых шаров в сером небе, но ей не хотелось рассказывать Элизабет о той сильной волне горя, которая будто уносила ее куда-то, и ей вовсе не хотелось ломать голову над тем, что бы это значило.

– Помню, как та американка сказала: «Извините, сердцебиение не прослушивается», – вместо этого произнесла она.

Домашняя работа, выполненная Элизабет для доктора Ходжеса

Признаюсь, я нахожу странно трогательным, что из всех значительных воспоминаний, которые всплыли в памяти Алисы, именно это стало одним из первых.

У Алисы всегда хорошо получалось копировать разные акценты, и ту женщину она изобразила просто потрясающе. И тон голоса, и темп речи были именно такими, какими я их помнила, и на какой-то миг я снова оказалась в той мрачной комнате, силясь все понять. Я так давно не думала об этом.

Представьте себе, доктор Ходжес, если бы я вернулась в тот день и кто-нибудь шепнул мне на ухо: «Все только начинается, дорогая». Я бы тогда закинула голову и разразилась сумасшедшим хохотом, точно ведьма.

Вам ведь вовсе не нравится, когда я прибегаю к такому горькому черному юмору, правда? Я заметила, что вы улыбаетесь вежливо, но и печально, будто я строю из себя полную дуру, а вы точно знаете, зачем я это делаю, будто я подросток, не умеющий сдерживать свои постыдные эмоции.

Как бы то ни было, я не хотела говорить с Алисой о той американке. Само собой. И особенно с Алисой. Да и с вами мне не очень-то хочется об этом говорить. Даже думать об этом не хочется. И писать не хочется. Было и было. Как все остальное.

– Извини, но мне это тоже ни о чем не говорит. – Элизабет ладонью разгладила одеяло рядом с ногой Алисы. Лицо ее как будто окаменело. – Вообще ничего не понимаю.

Почему она сказала это настолько сердито? Алиса почувствовала себя так, словно сделала что-то не то, но никак не могла сообразить, что же именно. Ей казалось, она ужасно неловкая, как маленький ребенок, который пытается взять что-то большое и ценное – такое, что взрослые ни под каким видом трогать не разрешают.

Элизабет встретилась с Алисой глазами, тонко улыбнулась и быстро отвела взгляд.

В палату вошла женщина с букетом цветов, с надеждой взглянула на Алису и Элизабет, рассеянно моргнула и прошла мимо них в следующий бокс, тоже отгороженный шторами.

– Ты мне только сейчас вспоминалась... – проскрипел бестелесный голос.

– Надо было принести тебе цветы, – негромко заметила Элизабет.

– Ты замужем! – неожиданно сказала Алиса.

– Что-что?

– У тебя кольцо! – Алиса взяла Элизабет за руку. – Шикарное какое! Вот именно такое я бы выбрала, если бы только могла выбирать. Нет, бабушкино, конечно, мне тоже очень нравится...

– Алиса, ты терпеть не можешь бабушкино кольцо, – сухо откликнулась Элизабет.

– А... а разве я говорила тебе об этом? Совсем не помню.

– Давным-давно говорила. Ты, наверное, перебрала тогда с выпивкой, поэтому я не понимаю, зачем... Ну ладно.

– Что же, ты так и будешь играть со мной в загадки? За кого ты вышла? За того красавчика-градостроителя?

– Это за Дина-то? Нет, я вышла не за Дина, мы вообще встречались всего ничего. И потом, он ведь погиб. Отправился понырять, и... несчастный случай. Трагедия. Ну, так я вышла за Бена. Не помнишь Бена? Он как раз сейчас с твоими детьми.

– Ах, какой молодец, – слабым голосом сказала Алиса.

И ей опять стало нехорошо, потому что приличная мать, понятно, должна была бы сразу же подумать о том, с кем находятся ее дети. Но загвоздка была в том, что само их существование оставалось пока под вопросом. Она прижала руку к плоскому животу, где больше не было никакого ребенка, и ощутила, как кружится голова. Если слишком долго раздумывать об этом, она может разрыдаться и тогда уже не остановится.

– Бен, – повторила Алиса, не сводя глаз с Элизабет. – Так ты вышла замуж за какого-то Бена.

Она вспомнила, как тот ребенок гнусаво произнес по телефону «дядя Бен». Когда кусочки пазла начали мало-помалу складываться, стало даже хуже, потому что все в мире приобретало значение, но Алисе, увы, оно было недоступно.

– Забавно... А я думала, что единственный знакомый мне Бен – это огромный дизайнер неоновых вывесок, которого я один раз видела в магазине у сестры Ника. Я так его и не забыла, потому что он был здоровый, медлительный и молчаливый, будто медведь превратился в человека.

Элизабет разразилась хохотом, и этот звук – раскатистый, открытый, от которого Алисе захотелось еще пошутить, – и отброшенная назад голова помогли ей ощутить себя самой собой.

– Не понимаю, – улыбнулась Алиса, настроившись разобраться во всем.

– Это и есть тот самый Бен! Мы познакомились на открытии магазина Доры. Мы уже восемь лет как женаты.

– Правда?

Элизабет замужем за этим дизайнером неоновых вывесок, похожим на медведя? Она всегда увлекалась остроумными, удачливыми сотрудниками корпораций, рядом с которыми Алиса ощущала себя полной дурой.

– А у него, случайно, бороды не было?

Элизабет ни за что бы не вышла за бородатого!

– Он до сих пор ее не сбрил!

– И он делает неоновые вывески?

– Да, и очень красивые. Мне больше всего нравится та, что он сделал для ресторана «У Роба» в Килларе. В прошлом году он получил второй приз на конкурсе неоновых вывесок.

– Значит, он мне зять. – Алиса бросила на сестру колкий взгляд, но та осталась невозмутимой. – Получается, я должна его знать. И притом знать хорошо. Ник с ним ладит? Мы куда-нибудь ходим все вместе?

Элизабет приостановилась с непонятным для Алисы выражением лица, потом продолжила:

– Давно, еще до того, как мы с Беном поженились, Мадисон только начала ходить, а ты была беременна Томом, мы сняли на Пасху дом в Джервис-Бей. Он стоял прямо на пляже Хаймс, помнишь, с самым белым песком в мире, погода была прекрасная, Мадисон совсем не капризничала, все в нее просто влюбились. Мы то и дело засаживались за карты, играли в дурака, а как-то Ник с Беном напились и пустились в пляс под музыку восьмидесятых годов. Бен вообще не танцует. Тогда я единственный раз видела его за этим делом. Как они глупо вели себя! Мы так ржали, что разбудили Мадисон, она выбралась из кровати и прямо в пижаме кинулась плясать вместе с ними. Хорошо мы тогда отдохнули. Так приятно... Столько лет уже об этом не вспоминала.

– А я совсем этого не помню.

Казалось ужасно несправедливым, что она не может вспомнить такой чудесный эпизод, как будто вместо нее ее жизнь проживала какая-то другая Алиса.

Тон голоса Элизабет резко изменился.

– Удивительно, как это ты не помнишь Бена, – произнесла она чуть ли не агрессивно и пристально посмотрела на Алису, как будто вызывая ее сказать что-то. – Ты же только вчера его видела. Он приезжал что-то починить в твоей машине. Ты для него испекла банановые кексы – его любимые. Вы так долго болтали!

– Так что, – нервно произнесла Алиса, – у нас есть машина?

– Ну да, есть... Есть.

– И я пеку банановые кексы?

– Да. – Лицо Элизабет смягчилось. – Почти без жира. С высоким содержанием клетчатки. Но вкусные!

Ум Алисы лихорадочно заработал, перескакивая то на банановые кексы, то на машину. Машины она не любила; ей нравились автобусы и паром; да и водила она так себе. Элизабет стала женой дизайнера неоновых вывесок по имени Бен...

– Вы гуляли свадьбу без меня! – вдруг осенило ее.

Алиса очень любила свадьбы. Никогда ни одной свадьбы она не забывала.

– Алиса, ты была моей подружкой, а Мадисон разбрасывала перед процессией цветы. На вас были похожие платья ярко-розового цвета. Ты произнесла очень смешную речь, а потом вы с Ником устроили настоящее представление: танцевали под «Come on Eileen». Подарили нам блендер.

– А... – протянула Алиса, все более раздражаясь. – Ну никак не могу поверить, что вообще ничего этого не помню. Даже близко! – Она пропустила пальцы через отверстия в покрывале и сжала его обеими руками – глупо, по-детски. – Так много... всего!

– Ну-ну... – Элизабет погладила Алису по плечу, с силой скорее боксера, а не женщины, и поспешно оглянулась, как будто ждала подмоги. – Пойду-ка я все-таки поищу врача, пусть он объяснит...

Элизабет только дай проблему, а уж найти решение она всегда готова.

– Да ну, не может быть... – Из отсека рядом с ними послышался скрипучий женский смех.

– Вспоминалась, вспоминалась!

Алиса с Элизабет молча уставились друг на друга, и Алисе стало тепло от сестринской любви.

Она отпустила одеяло и не без труда спокойно положила руки на колени:

– Не уходи, пожалуйста. Скоро придет медсестра меня осмотреть, так что ты можешь спросить ее. Посиди еще, поговори со мной. Мне кажется, это меня вылечит.

Элизабет глянула на часы, бросила: «Ну, не знаю», но снова села.

Алиса поудобнее устроилась на подушках. Она подумала, не расспросить ли побольше о детях на снимке. Целых трое! Так много, просто невозможно! Но все было настолько нереально, точно в плохом кино, когда ерзаешь на сиденье и изо всех сил сдерживаешься, чтобы не расхохотаться во все горло. Лучше было расспросить о жизни Элизабет.

Элизабет сидела, склонив голову, и соскребала что-то невидимое с запястья. Алиса снова взглянула на глубокие морщины, под тяжестью которых, казалось, уголки губ сестры опустились, и от этого ее лицо стало походить на печальную гримасу. Это просто из-за возраста? И у нее, значит, рот так же опустился? Скоро такой же будет. Совсем скоро. Но дело было не столько в этом; в ней угадывалась глубокая, тяжкая печаль. Что это значит: ей не повезло с этим медведеподобным супругом? Неужели можно влюбиться в бородатого? Что за детские вопросы? Конечно можно. Даже если борода у него на редкость кустистая.

Алиса смотрела, как у Элизабет судорожно ходит горло.

– О чем ты думаешь? – спросила Алиса.

– Не знаю. – Элизабет вздрогнула, подняла глаза. – Ничего не знаю. – Она подавила зевок. – Извини... Мне совсем не скучно. Я просто устала, спала сегодня всего пару часов.

– А-а, – откликнулась Алиса.

Ей не нужно было ничего объяснять. Они с Элизабет всегда страдали от жестокой бессонницы, унаследованной от матери. После смерти отца Алиса с Элизабет нередко по целым ночам просиживали с матерью, в ночных сорочках устраивались на краешке кушетки, смотрели видео, пили шоколад «Мило», а потом спали по целым дням, пока лучи солнца бродили по тихому замершему дому.

– Что у меня с бессонницей? – спросила Алиса.

– Не знаю. Не знаю даже, есть ли сейчас она у тебя.

– Не знаешь? – озадаченно переспросила Алиса. Каждая была всегда в курсе битв другой с этим недугом. – Мы что... мы что, не разговариваем?

– Разговариваем, конечно, просто ты всегда занята детьми и прочим, так что разговоры у нас получаются недолгие.

– Занята... – повторила Алиса.

Ей это совсем не нравилось. Она никогда особенно не доверяла занятым людям; такие

всегда говорят о себе: «Лечу! Спешу!» Зачем всегда спешить? Почему не приостановиться? И вообще, чем это они так заняты?

– Отлично... – произнесла она и почувствовала себя неловко.

Что-то между ней и Элизабет было не так. По временам казалось, что их держит вместе лишь натянутая дружеская вежливость, как будто они были хорошими подругами, которые просто стали реже встречаться.

Она обязательно расспросит об этом Ника. Вот что в нем было хорошо: он любил говорить о людях, изучать их, прорабатывать. Его очень интересовали всякого рода сложности во взаимоотношениях. И потом, он любил Элизабет и когда подсмеивался над ней, и когда жаловался на нее – ведь иногда она просто доставала, – он делал это совершенно как брат, и Алиса не чувствовала, что ей нужно защищаться.

Она взглянула на отлично скроенный бежевый костюм Элизабет: кажется, в две тысячи восьмом году у обеих стало лучше с гардеробом.

– Ты так и пишешь для того каталога? «Тысяча мелочей», кажется?

Когда-то Элизабет писала тексты для огромного ежемесячного почтового каталога «Тысяча мелочей». Ей нужно было находить умные, убедительные слова для сотен различных товаров: от блеска для губ со вкусом банана до яйцеварки или водонепроницаемого транзистора, который можно слушать, принимая душ. Каждый месяц, получая новый каталог, члены семей зачитывали Элизабет полюбившиеся строчки. Каждый месяц Элизабет выставляла на всеобщее обозрение очередной выпуск, и никто из друзей, заходивших к ним, не мог избежать знакомства с ним.

– Ой, это когда еще было! – откликнулась Элизабет, посмотрела на Алису и слегка покачала головой, словно никогда ничего подобного не видела. – Ты точно на машине времени приехала.

– Значит, ты там больше не работаешь? – раздраженно спросила Алиса.

Ее начинало раздражать то, что каждый ее простой вопрос натыкался на озадаченный взгляд. Что могло измениться за десять лет? Казалось, все.

– «Тысяча мелочей» теперь сайт, – пояснила Элизабет. – Я ушла оттуда лет шесть назад. Потом около четырех лет я работала в агентстве, а два года назад начала вести тренинги о секретах составления прямых почтовых рассылок. Их еще по-другому называют «макулатурой». Как ни странно, они довольно хорошо работают. По крайней мере, хватает платить по счетам. Я как раз вела свой семинар, когда Джейн позвонила и рассказала, что с тобой случилось.

– Так у тебя свой бизнес?

– Да.

– Ого! Впечатляет. Прямо-таки история успеха. Я всегда знала, что у тебя все получится. Можно как-нибудь зайти посмотреть?

– Зайти? – хмыкнула Элизабет. – Посмотреть? На меня?

– Или... я уже была у тебя. Была, да?

– Нет, Алиса, – ответила Элизабет с металлической ноткой в голосе. – Ты совсем не интересовалась моими семинарами и никогда не ходила на них.

– Ах... – смущенно сказала Алиса. – Кажется... В смысле, почему не ходила?

– Потому что ты всегда занята. – Элизабет вздохнула. – Вот почему...

Опять это «занята»!

– И потом, мне кажется, ты всю мою карьеру считала несколько... банальной.

– Банальной? – в ужасе повторила Алиса. – Я так говорила? О тебе? Такого быть не может!

Неужели она могла стать такой занудой, чтобы осуждать человека только за выбор карьеры? Она всегда гордилась Элизабет. Она была умной, она оказывалась в нужных местах, а Алиса всегда тихо стояла в стороне.

– Нет-нет, ты такого никогда не говорила. Ты, скорее всего, даже об этом не думала. Ладно, забудь...

Алиса со страхом отметила, что та, другая Алиса, которая прожила десять лет ее жизни, не слишком-то любезный человек.

– Ну а я? – спросила она вслух. – Где я работаю?

Оказалось, что Алиса работала помощницей руководителя в ABR. Работа как работа, без любви и без ненависти. Карьера для нее была совсем не на первом месте. «Ты прямо богиня домашнего очага. Настоящая домохозяйка пятидесятых годов», – как-то заметила Элизабет, когда Алиса призналась, с каким восторгом целый день возилась в саду, шила новые занавески для кухни и пекла шоколадный кекс для Ника.

– Ты не работаешь, – ответила Элизабет и загадочно посмотрела на нее.

– Вот здорово! – обрадовалась Алиса.

– Но все равно очень занята. У тебя полно дел в школе.

– В школе? В какой?

– Где учатся твои дети.

А... Ну да... Трое этих непонятных детей...

– Фрэнни, – вдруг произнесла Алиса. – А Фрэнни как? Не... болеет, нет?

Она даже не хотела произносить слово «умерла».

– У нее все хорошо. По высшему разряду.

Тут ожил серебристый мобильник, лежавший на тумбочке рядом с кроватью Алисы.

– Ник, ну наконец-то! – воскликнула Алиса и потянулась к телефону.

– Дай я сначала! – Элизабет вскочила.

– Ну уж нет! – Алиса отвела руку с телефоном в сторону. – Почему это?

Не дождавшись ответа, она нажала зеленую кнопку, поднесла аппарат к уху и сказала:

– Алло!

– Да, привет, это я, – ответил Ник. Алиса почувствовала, что внутри ее разлилось спокойствие, точно после глотка бренди. – Что случилось? С детьми все в порядке?

Голос его звучал глубже, грубее обычного, как будто он простыл.

Вот и Ник тоже знает об этих детях. Все знают, только не она...

Элизабет прыгала на месте, махала руками, тянулась к телефону. Алиса показала ей язык.

– С детьми – да, а вот со мной... – Алиса осеклась. Ей нужно было рассказать ему очень много, и она не знала, как начать. – В общем, я упала... Да, упала в спортзале, я там была с Джейн Тёрнер... И вот упала, ударилась головой, потеряла сознание. Мне вызвали «скорую», и меня стошнило прямо в лифте, прямо врачу на ботинки, так стыдно, просто ужасно! Погоди, я еще не рассказала тебе, как женщины делают это упражнение – «родео»! Так смешно! Да, ты ведь в Португалии, просто представить не могу, и как она тебе?

Она хотела так много рассказать ему, как будто они не виделись давным-давно. Когда он приедет из Португалии, нужно будет пойти в их любимый мексиканский ресторан и говорить, говорить, говорить... Они закажут по «Маргарите» – раз уж она не беременна,

можно себе позволить. Ей прямо сейчас захотелось оказаться с ним в этом ресторане, в темном угловом кабинете, и чтобы его пальцы ласково поглаживали ее ладонь.

В трубке стало тихо. Похоже, его шокировала эта новость.

– Не волнуйся, со мной все в порядке! – поспешила успокоить его Алиса. – Эта так, ерунда. Поправлюсь! Мне уже хорошо!

– Тогда какого черта я тебе звоню?

Алиса отшатнулась, как будто он ее ударил. В таком тоне Ник с ней не разговаривал, даже если они ссорились. Она-то ждала, что он рассеет этот кошмар, а он сделал все только хуже.

– Ник... – произнесла она с дрожью в голосе. И задаст же она ему потом за это; а сейчас ей было очень больно. – В чем дело?

– Чего это ты напридумывала? Ничего не понимаю, да мне и разбираться некогда. Ты хотела сказать, что планы на выходные менять не хочешь, так? Ты об этом? Скажи, это, случайно, не снова насчет Рождества, а?

– Почему ты со мной так говоришь? – спросила Алиса. Сердце у нее стучало как бешеное. Страшнее этого с ней сегодня ничего не случилось. – Что я такого сделала?

– Да хватит тебе! Мне сейчас не до шуток! – Он не говорил, а орал. Он орал на нее, а она была в больнице.

– Рот у тебя грязный, – прошептала Алиса. – Рот тебе надо вымыть, Ник...

– Дай сюда! – решительно скомандовала Элизабет и поднялась.

Она взяла телефон из дрожащих рук Алисы, поднесла его к уху, прикрыв другое пальцем, отвернулась от Алисы, опустила подбородок и сказала:

– Ник, это Элизабет. Дело и правда серьезное. Она очень сильно ударилась головой – так, что потеряла память. Она не помнит ничего, что произошло после девяносто восьмого года. Понимаешь? Совсем ничего!

Часто дыша, Алиса откинулась головой на подушку. Да что же это такое?

Элизабет приостановилась, выслушала ответ и сдвинула брови:

– Да, да, понимаю. Только вот в чем дело: она ничего этого не помнит. – Снова пауза. – Они с Беном. Он отвез их на плавание, сегодня они побудут с ним, а потом... – Пауза. – Хорошо, тогда твоя мама может их забрать, как всегда, я уверена, к вечеру воскресенья она встанет и все вернется на свои места... – Тишина. – Нет, с врачом пока не говорила, но как раз собираюсь... Тишина. – Хорошо... Передать Алисе трубку?

Алиса протянула руку – ну должен же Ник наконец прийти в себя! Но Элизабет сказала:

– А... Ну хорошо. Пока, Ник...

И закончила разговор.

– Что, не захотел со мной говорить? – спросила Алиса. – Правда не захотел?

Острая боль вдруг пронзила ее, как будто по всему телу тыкали холодные неласковые пальцы.

Элизабет захлопнула крышку телефона, положила ладонь на руку Алисы и сказала мягко:

– Скоро все вспомнишь. Ничего страшного. Вы с Ником больше не живете вместе.

Алисе казалось, что все плавает вокруг одной точки – шевелящихся губ Элизабет. Она сосредоточенно смотрела на них. Клубничная помада. А контур чуть потемнее. Здорово. Ей тоже надо так губы подводить.

Что она там говорит? Неужели...

– Что? – спросила Алиса.

– Вы разводитесь, – повторила Элизабет.

Вот тебе и здрасте!

Алиса выпила бокал шампанского со своими подружками, пока они все вместе красились, потом еще полбокала в лимузине, потом еще три с четвертью на самом приеме и, наконец, еще бокал, когда они с Ником уселись на гигантскую кровать в своем гостиничном номере.

Она была слегка навеселе, но это было совсем не страшно, ведь сегодня она вышла замуж, все наперебой говорили ей, какая она красивая, так что это было красивое, романтическое опьянение, которое вряд ли закончится тяжелым похмельем.

– Тебе очень-очень нравится мое платье? – спрашивала она Ника в третий, наверное, раз, проводя рукой по роскошной сияющей ткани.

Она называлась «королевский атлас», была цвета слоновой кости, и от прикосновения к ней возникало такое же приятное чувственное ощущение, какое бывало у нее в раннем детстве, когда она гладила розовую плюшевую обивку своей музыкальной шкатулки. Только тогда это чувство было гораздо сильнее, и ей хотелось поселиться в этой шкатулке, чтобы перекатываться по розовой ткани.

– А мне оно так нравится! – продолжила она. – Цвет просто волшебный – золотистое мороженое, правда? Прямо хоть ешь!

– Я бы так и сделал, – отозвался Ник. – Но я уже три куска торта слопал. Обалденный был торт! Его еще долго будут помнить. Обычно на свадьбе торт как торт. Но только не у нас! Я им очень горжусь. Ничего, что это не я его делал. Все равно горжусь! Гип-гип-ура!

Похоже было, что и Ник позволил себе достаточно шампанского.

Алиса поставила бокал на прикроватный столик и легла на спину. Ткань платья громко зашуршала. Ник опустил рядом. Он снял галстук и расстегнул пуговицы белой рубашки. На лице у него пробилась легкая щетина, глаза чуть покраснели, но волосы, уложенные волной от пробора, не растрепались.

– Ой, как солома! – Алиса потрогала их и отдернула руку.

– Это сестры. Гель в их руках творит чудеса. – Он погладил ее волосы и заметил: – Супруга, какая чудная синтетика!

– Это лак. Много-много лака, супруг.

– Правильно ли это, супруга?

– Правильно, супруг.

– Как интересно, супруга!

– Что же, мы теперь всегда так будем разговаривать, супруг?

– Ни за что, супруга!

Оба усталились в потолок и замолчали.

– Речь Эллы... – прервала молчание Алиса.

– Видимо, она была задумана как трогательная.

– А...

– Платье тети Уотси...

– Было задумано как... стильное.

– А...

Оба негромко засмеялись.

– Ты только представь себе... – Алиса перекатилась на бок.

Ее глаза наполнились слезами. Когда она перебарщивала с шампанским, то переставала владеть своими эмоциями.

– Только представь: а если бы мы не встретились? – договорила она.

– Это была судьба, – отозвался Ник. – Все равно встретились бы на другой день.

– А я не верю в судьбу! – хлопнула носом Алиса, погружаясь в восхитительное ощущение горячих слез, потоками струившихся по щекам; тройной слой черной туши, наверное, размазался по всему лицу.

Становилось очень страшно при мысли, что их с Ником встреча – чистая случайность. А ведь могло произойти по-иному, и тогда ее существование было бы серым, унылым, как у какого-нибудь лесного создания, ни разу не видевшего солнечного света, и она бы даже не знала, что можно так любить и быть так любимой. Как-то раз Элизабет без обиняков заявила, что твой человек не будет тебя ждать, что счастье нужно искать самой, и Алиса согласно кивнула, но подумала: «Правильно, а он будет».

– Если бы мы не встретились, – продолжала Алиса, – то сегодня был бы самый обычный день, похожий на все остальные, и сейчас мы бы смотрели телевизор каждый у себя, ходили бы в спортивных штанах и... и завтра не начали бы медовый месяц... – При этой мысли ей стало совсем страшно, и она закончила: – Мы ходили бы на работу! На работу!

– Иди ко мне, моя возлюбленная опьяневшая невеста. – Ник привлек Алису к себе, так что ее голова коснулась его груди.

Она почувствовала запах его лосьона после бритья, гораздо сильнее обычного: наверное, утром он не пожалел его, и от этой мысли у нее стало так тепло на душе, что она расплакалась.

– Здесь вот что важно: наберись терпения, это очень сложно, – сказал он. – Готова?

– Да.

– Итак, мы встретились.

– Да, мы встретились, – откликнулась Алиса.

– И оказалось, что все хорошо.

– Верно, – довольно фыркнула Алиса. – Оказалось, что все хорошо.

– Оказалось, что все хорошо...

И с этими словами оба провалились в глубокий сон, потому что страшно устали. Атласное платье цвета слоновой кости накрыло их, точно одеяло, а красный кружок конфетти приклеился к щеке Ника, и след от него держался первые три дня их медового месяца.

– Должно быть, сильно мы повздорили, – сказала Алиса Элизабет. – Но мы не разводимся. Мы никогда бы не разошлись.

Само это слово – «развод» – звучало отвратительно; ее губы крепко сжимались, когда произносили второй слог. Раз-вод. Нет! Только не они! Только не с ними!

Родители Ника развелись, когда он был совсем еще маленьким. Он хорошо помнил, как все было. Как только они слышали, что разводится какая-нибудь пара – даже знаменитости не первого ряда, над которыми потешаются все кому не лень, – Ник всегда говорил печальным голосом, точно какая-нибудь ирландская бабулька: «Какой позор!» Он верил в брак. Он считал, что люди слишком быстро разрушают свои отношения. Как-то он признался Алисе, что, если у них что-то пойдет не так, он готов будет из кожи вон лезть, лишь бы все исправить. Алиса не отнеслась к этому серьезно, потому что для этого лезть из кожи было не

обязательно. Достаточно провести несколько часов в разных комнатах, обняться в прихожей, тихонько вручить плитку шоколада. Иногда хватало и приятельского толчка под ребра, который означал: «Ну хватит уже дуться».

Развод у Ника был чем-то вроде фобии, и притом единственной. Если это правда, он должен быть опустошен, убит. Стряслось то, чего он больше всего боялся. Она жалела его всем сердцем.

– Из-за чего же мы так сильно повздорили? – спросила Алиса у Элизабет. Ей нужно было разобраться, в чем дело, и положить этому конец.

– Наверное, это случалось не так уж редко – то одна небольшая ссора, то другая... Честно говоря, ты мне никогда ничего такого не рассказывала. Просто позвонила на следующий день после того, как Ник выехал, и...

– Как это «выехал»? Из дома?

Это была неразрешимая загадка. Она старалась представить себе, как такое могло случиться. Ник швыряет вещи в чемодан, грохает дверь, желтое такси ждет на улице – непременно желтое, как в Америке, потому что этого не могло быть на самом деле, это была сцена из какого-то душещипательного фильма. Это была не ее жизнь.

– Алиса, вы полгода как разъехались, но знаешь, когда память у тебя снова заработает, ты поймешь, что в этом ничего страшного нет, потому что тебе хорошо. Это то, чего ты хочешь. Я как раз на прошлой неделе тебя спрашивала. Я спросила тогда: «Ты уверена, что этого хочешь?» – и ты ответила: «Совершенно уверена. Этот брак приказал долго жить, и мы его давно уже похоронили».

Враки! Неправда! Выдумки! Алиса очень старалась сдержать ярость в голосе.

– Ты прямо на ходу все это сочиняешь, чтобы мне стало лучше? «Приказал долго жить, похоронили!» Да это вообще не из моего словаря! Я так не говорю. Не сочиняй, пожалуйста. Это очень тяжело слушать.

– Ах, Алиса, – печально вздохнула Элизабет. – Я тебя уверяю, это все травма головы, это все... Ой, здравствуйте, здравствуйте!

Незнакомая Алисе медсестра быстро отодвинула шторку, и Элизабет поздоровалась с ней с явным облегчением.

– Как вы себя чувствуете? – осведомилась медсестра, накладывая Алисе на руку манжету, чтобы измерить давление.

– Хорошо, – послушно ответила Алиса.

Теперь она знала правила игры. Кровяное давление. Зрачки. Вопросы.

– А давление-то поднялось, – заметила медсестра и сделала отметку в блокноте.

«Мой муж орал на меня, точно на злейшего врага. Мой милый Ник... Мой Ник... Я хочу сказать ему об этом, потому что он бы просто вышел из себя, если бы услышал, что со мной кто-нибудь так разговаривает. Ему первому я всегда хочу рассказать, кто меня расстроил; нога сама давит на педаль газа, лишь бы быстрее добраться домой и поделиться с ним, потому что как только он все узнаёт и его лицо искажается от злости на того человека, значит все в порядке, все прошло.

Ник, ты в жизни не поверишь, как тот человек со мной говорил. Когда ты это услышишь, тебе захочется дать ему в нос. Одно только странно: ты, Ник, и есть тот самый человек...»

– У нее сейчас шок за шоком, – сказала Элизабет.

– Мы должны попросить вас перестать волноваться.

Медсестра склонилась над Алисой, мгновенным движением раздвинула ей веки и

проверила зрачки, посветив в них небольшим фонариком. Запах духов сестры показался Алисе знакомым, напоминал о ком-то или о чем-то, но это воспоминание исчезло, как только медсестра отошла. Что же, теперь всю жизнь у нее будет это противное ощущение дежавю, этот отвратительный зуд?

– Разрешите еще немного помучить вас скучными вопросами. Как вас зовут?

– Алиса Мэри Лав.

– Где вы находитесь и что здесь делаете?

– Я в больнице Роял-Норт-Шор, потому что упала в спортзале и ударилась головой.

– Какой сегодня день?

– Пятница, второе мая... две тысячи восьмого года.

– Отлично, просто превосходно!

Сестра обернулась к Элизабет, как будто ожидая, что это ее впечатлит.

– Так мы проверяем, не повлиял ли удар на ее мыслительные способности, – пояснила она.

– Может быть, и отлично, только она до сих пор думает, что сейчас девяносто восьмой год. – Элизабет раздраженно моргнула.

«Врет», – подумала Алиса, а вслух заявила:

– Я так не думаю! Я знаю, что сейчас две тысячи восьмой год. Я же сказала!

– Но она не помнит совершенно ничего, что было после девяносто восьмого года! Ну, может быть, какие-то обрывки. Не помнит, что у нее есть дети. Не помнит, что у нее развалилась семья.

У нее развалилась семья... Ее семью можно было ломать на куски, как пиццу.

Алиса закрыла глаза и представила себе лицо Ника, помятое со сна, вспомнила голову на подушке рядом утром в воскресенье. Иногда по утрам у него посередине головы волосы вдруг поднимались торчком. «Да у тебя настоящий ирокез!» – заметила она, когда увидела это впервые. «Ну конечно, – отозвался он. – Воскресенье ведь. Только с ирокезом и ходить». Даже не открывая глаз, он знал, когда она просыпается, лежит и смотрит на него, мечтая, может быть, о чашке чая в постель. «Нет, – ответил бы он раньше, чем она успела бы высказать это желание. – Даже не думай об этом, женщина». Но всегда приносил ей эту желанную чашку.

Сейчас Алиса отдала бы все, все на свете, только бы оказаться в постели рядом с Ником и ждать своей чашки чая. Может быть, эти чашки ему уже надоели до смерти? Может быть? Она принимала это как само собой разумеющееся. Кем она себя воображала – принцессой, которая, лежа в постели, ждет свой чай, даже не почистив зубы? Она была не настолько хорошенькой, чтобы позволить себе такое. Она выпрыгнула бы из постели, пока он еще спит, привела бы в порядок волосы, подкрасилась и подала бы блинчики с клубникой, представ перед ним в длинной кружевной сорочке. Вот так и сохраняются браки; подобными советами кишели буквально все женские журналы, которые ей доводилось читать. Это было самое главное правило! Она чувствовала себя так, будто проявила преступную халатность – беспечность! пренебрежение! – по отношению к самому дорогому, чудесному дару, которым ей довелось обладать.

Алиса слышала, как Элизабет негромко и быстро спросила у медсестры: можно ли поговорить с врачом, какие анализы уже были сделаны?

– Вы уверены, что в мозгу нет никакой опухоли? – спросила она с истерическими нотками в голосе, так что Алиса даже улыбнулась.

Не может без драматических сцен!

Но что, если там на самом деле опухоль? Темная страшная штука, которая растет у нее в голове, точно страшный клубок? Да, это и правда нужно проверить!

Может быть, Нику стало с ней скучно. Ведь может быть? Однажды, уже в старших классах, она услышала, как какая-то девочка говорила про нее: «Ах, Алиса... Она неплохая, но как человек... ничего особенного».

Ничего особенного... Девочка сказала это походя, в общем не имея в виду ничего плохого, просто констатируя факт. Алисе было тогда четырнадцать лет, и она похолодела от официального подтверждения того, в чем никогда не сомневалась. Да, конечно, с ней было скучно, она сама с собой скучала до смерти! Все прочие люди были куда более значительны. В том же году мальчишка на боулинге подошел к ней, дохнул в лицо сладким запахом колы и выдал: «Лицо у тебя как у поросенка!» И это только подтвердило то, что она подозревала давным-давно: неправду говорила мама, что нос у нее аккуратный, как пуговка; на самом деле это не нос, а пяточок.

Острое, с небольшими глазками лицо того мальчишки походило на крысиную мордочку. Только в двадцать пять лет до нее дошло, что и она, наверное, могла бы оскорбить его сравнением из животного мира, но правила жизни были таковы, что мальчишки решали, какая девочка хорошенькая, а какая – нет; самим же им дозволялось быть хоть уродами.

Может быть, как-то раз утром Ник принес ей эту самую чашку чая и вдруг у него с глаз словно упала пелена и он подумал: «Так, стоп. Как это я умудрился жениться на такой лентяйке, которая не представляет собой ничего особенного, да еще и походит на поросенка?»

Выходит, все эти ужасные несуразности были не так уж далеки от истины? Она повзрослела; ей было двадцать девять лет! Совсем еще недавно она возвращалась домой из парикмахерской, чувствуя себя совершенно неотразимой. Целая стайка девочек-подростков шла рядом, и их резкий смех как будто говорил ей: «Не волнуйся, все устраивается. Ты состоялась как личность, есть работа, ты знаешь, что делать со своими волосами, и у тебя есть друг, который считает тебя настоящей красавицей». Она ощущала себя такой цельной, как будто все подростковые страсти и неудачные романы, которые случались у нее до Ника, были превосходно продуманным планом, который должен был подвести к этому самому моменту, когда ей будет двадцать девять лет и все наконец-то сложится так, как и должно.

Тридцать девять! Не двадцать девять. Ей тридцать девять лет. А тот день, когда ей встретились девчонки-подростки, был ровно десять лет назад.

Элизабет вернулась и уселась рядом с Алисой:

– Она сказала, что попросит врача заглянуть еще раз. Это, похоже, целое дело, потому что ты сейчас находишься под наблюдением, а врач якобы «очень занята», но медсестра сказала, что постарается помочь, чем сможет. Так что, видимо, наши шансы равны нулю.

– Пожалуйста, скажи мне, что это неправда насчет Ника, – попросила Алиса.

– Алиса...

– Я ведь люблю его. Люблю его всей душой. Я очень, очень люблю его...

– Ты когда-то его любила.

– Нет, люблю. Теперь люблю. Знаю, что люблю.

Элизабет поцокала языком в знак сочувствия и подняла руки, как бы желая показать, что все безнадежно.

– Когда у тебя восстановится память... – начала было она.

– Но ведь мы так счастливы! – горячо воскликнула Алиса, стараясь переубедить Элизабет. – Просто нельзя быть счастливее! – Невольные слезы покатались по щекам и защекотали в ушных раковинах. – Что случилось? Он влюбился в кого-то? Да?

Нет же, нет! Это было невозможно. Любовь Ника к Алисе была непреложным фактом. Просто фактом. Эти факты разрешалось принимать на веру. Однажды друг поддразнил Ника за то, что он согласился пойти с Алисой на мюзикл, хотя, вообще-то, мюзиклы он любил. «У тебя шоры на глазах», – сказал тогда друг, и Ник пожал плечами: «А что я поделаю? Она нужна мне как воздух».

Конечно, он говорил это под градусом, но дело было в пабе, и он старался изобразить крутого. Она была нужна ему как воздух.

Так что же, воздух ему больше не нужен?

Элизабет положила руку тыльной стороной на лоб Алисы и погладила ее по волосам:

– Насколько я знаю, у него никого нет, и ты правильно говоришь, что вы были счастливы и отношения у вас были чудесные, совершенно особенные. Я это помню. Но все меняется. Люди меняются. Это дело обыкновенное. Такова жизнь. То, что вы расходитесь, не отменяет того факта, что когда-то вы были счастливы вместе. И я клянусь, что, как только память к тебе вернется, ты перестанешь волноваться из-за этого.

– Нет, – ответила Алиса и закрыла глаза. – Нет, не перестану. Не хочу я не волноваться из-за этого.

Элизабет все поглаживала ее лоб, а Алиса вспоминала тот день, когда в детстве ее привезли домой с чьего-то дня рождения, а она сияла от радости, потому что выиграла какой-то там конкурс. В руках у нее был воздушный шарик и блестящая картонная корзинка с леденцами. Элизабет встретила ее у входа и скомандовала: «Пошли со мной».

Алиса послушно поплелась следом, готовая сыграть в любую новую игру, которую наверняка затеяла Элизабет, и даже поделиться леденцами (но только не теми, что в виде зубов, эти она любила больше всех). Они проходили по гостиной, за ней волочился воздушный шарик, и она увидела, что в гостиной полно незнакомых взрослых, которые толпятся вокруг мамы, которая сидит на кушетке, как-то странно откинув голову. Может быть, у нее голова болела. Алиса не позвала ее, потому что не хотела говорить со всеми этими незнакомыми взрослыми, и прошла вслед за Элизабет в ее комнату. Там Элизабет заявила: «Я хочу сказать тебе что-то очень плохое, так что давай надевай пижаму и залезай в постель, чтобы тебе не было очень больно».

Алиса не спросила: «Что? Что такое? Говори сейчас же!» – потому что ей было всего шесть лет и с ней никогда еще ничего не случилось. И потом, она всегда делала то, что велела ей Элизабет. Поэтому она радостно переделась в пижаму, а Элизабет сходила за грелкой и положила ее в наволочку, чтобы не очень жгла. Еще она принесла столовую ложку меда, детское ментоловое масло «Викс» от простуды, полтаблетки аспирина и стакан воды. Всем этим пользовалась мама, когда они заболели, и Алиса очень любила поболеть. Элизабет завернула ее в одеяло и втерла ей в грудь мазь, начала убирать волосы у нее со лба, как всегда делала мама, когда у одной из них сильно болел живот. Алиса закрыла глаза, радуясь всему хорошему, что несет с собой это состояние, хотя на самом деле у нее вовсе ничего не болело. Потом Элизабет сказала: «Теперь слушай плохую новость. Она тебя неприятно удивит, так что будь готова, ладно? Если хочешь, можешь даже сосать большой палец». Алиса открыла глаза и нахмурилась, потому что большой палец она уже давно не сосала, разве что день уж совсем не задавался, и даже тогда она засовывала в рот лишь

самый кончик, а не весь палец. И тут Элизабет произнесла: «Папа умер».

Алиса совершенно не помнила ни что было дальше, ни что она почувствовала, услышав это. В памяти осталось лишь, как сильно старалась Элизабет оградить ее от «неприятного удивления». Только повзрослев, она с изумлением поняла, что и сама Элизабет была тогда совсем маленькой. Она позвонила сестре, чтобы поговорить об этом, чтобы поблагодарить ее, и забавно было, что Элизабет совершенно иначе помнила смерть отца и совершенно забыла, как укладывала Алису в постель.

Да, конечно, как-то раз Элизабет швырнула в нее маникюрными ножницами, и те вонзились сзади Алисе в шею. Но все равно...

А теперь Алиса открыла глаза и сказала Элизабет:

– Ты просто отличная старшая сестра.

– Вовсе нет, – ровным голосом ответила Элизабет, убрав руку с ее лба.

Обе помолчали несколько секунд.

– Либби, а ты-то счастлива? – спросила Алиса потом. – Ты, кажется...

Она не договорила, но на языке у нее висело: «...ужасно несчастна».

– У меня все в порядке.

Казалось, Элизабет тщательно подбирает слова и отбрасывает то одно, то другое. «Будь собой!» – хотела крикнуть ей Алиса.

– Видишь ли, – наконец произнесла Элизабет, – мне кажется, что наши жизни сложились не совсем так, как мы себе представляли, когда нам было по тридцать.

– Ну наконец-то! – раздался вдруг женский голос. – Вот ты где! Я уже думала, что не найду!

В ногах кровати стояла женщина, ее лицо было наполовину скрыто огромным букетом желтых тюльпанов.

Она опустила букет. Алиса растерянно заморгала.

– Мама? – выговорила Алиса.

В ногах кровати стояла ее мать, но это была совсем не та Барб Джонс, которую она помнила.

Прежде всего, хотя начинать можно было с чего угодно, волосы у нее были уже не короткие и не каштановые, и прическа не скромная, почти монашеская, которую она носила, сколько Алиса себя помнила. Волосы приобрели глубокий оттенок красного дерева и спускались ниже плеч, по бокам она выпустила две пряди, отчего смешно оттопырились ее острые, как у эльфа, уши. Сверху волосы были собраны заколкой в виде шикарного тропического цветка, сделанного из шелка. Ее мать, вечно неуверенная в себе, старавшаяся в любом случае оставаться за сценой, красившая губы дешевой помадой скромнейшего розового цвета, была накрашена так, будто собиралась на сцену. Помада была того же цвета красного дерева, что волосы, на веках лежали сиреневые тени, на щеках алели румяна, лицо было щедро намазано слишком густым и слишком темным тоном, и даже ресницы были – о ужас! – накладные. Она нарядилась в расшитый бусинами топ с бретелью-петлей вокруг шеи, туго затянутый в талии широким черным поясом, и ярко-алую юбку. Алиса приподняла голову и увидела, что этот костюм дополняют колготки в сеточку и босоножки на высоком каблуке.

– Ну как дела, дорогая? – сказала мать. – Я всегда говорила, что эти занятия степом слишком тяжелы для твоих суставов. Вот видишь, что получилось!

– Ты что, собралась на карнавал? – осенило Алису.

В таком случае все становилось более-менее ясно, хотя все равно удивительно.

– Да нет, глупышка, мы проводили демонстрацию в школе, а тут пришло сообщение от Элизабет. Я приехала прямо оттуда и даже не заскочила переодеться. Да, на меня косо смотрят, но я уже привыкла! Ладно, хватит об этом, расскажи, что случилось, что говорят врачи. Ты белая как полотно!

Мать присела на край кровати и похлопала ее по ноге. По ее руке скользнули блестящие браслеты. Как, мама загорала? И у нее такое декольте, что видна ложбинка между грудей?

– Какую демонстрацию? – спросила Алиса, не в силах отвести глаз от экзотического создания, сидевшего перед ней.

Это была и мама, и не мама. В отличие от Элизабет, морщинок у нее не прибавилось; толстый слой тона выравнивал ее лицо, и от этого она выглядела моложаво.

– Мама, у Алисы большой провал в памяти, – пояснила Элизабет. – Она совсем не помнит, что было после девяносто восьмого года.

– Вот оно что! – откликнулась Барб. – Мне это совсем не нравится. То-то она слишком бледно выглядит. У тебя, по-моему, сотрясение. Не засыпай! При сотрясении ни в коем случае нельзя засыпать. Алиса, дорогая, делай что хочешь, только не смей засыпать!

– Ерунда, – возразила Элизабет. – Этого уже давно никто не советует.

– В общем-то, точно я не знаю, но совсем недавно я читала что-то похожее в «Ридерз дайджест» о маленьком мальчике Энди. Он ударился головой, когда катался на маленьком велосипеде в буше, с внуком Сандры случилось то же самое, и я бы лично ни за что не разрешила Тому кататься на таком, потому что это очень опасно, даже в шлеме, а на маленьком Энди шлема не было, или, может быть, его звали не Энди, а Эрни, очень забавно

– такое старомодное имя, сейчас так почти никто и не называет...

– Мама... – вклинилась Алиса, прекрасно зная, что из лабиринта Энди и Эрни она может выпутываться еще очень долго.

Мать была болтливой на грани патологии, хотя обычно на людях, как теперь, она понижала голос так, что приходилось то и дело раздраженно бросать ей: «Мам, погромче!» Если она не была близко знакома с человеком по меньшей мере лет двадцать, то могла неожиданно замолчать на середине предложения, точно выключали радио, низко опускала голову, старалась не смотреть в глаза, улыбалась неприятно-застенчиво. Она была так стеснительна, что, когда Алиса с Элизабет учились в школе, чуть ли не заболела перед каждым родительским собранием, возвращалась домой бледная, и ее так трясло, что она не помнила ни слова, сказанного учителями, как будто важно было лишь присутствовать на собрании, а не слушать. Элизабет всегда выходила из себя, так как желала знать, что хорошего сказали о ней учителя. Алисе было все равно: она и так знала, что большинство учителей о ней понятия не имеют, ведь свою застенчивость она унаследовала от матери – будто неприятное для окружающих заболевание вроде экземы.

А теперь мать говорила не громче, чем обычно, – вернее, чуть громче, чем было необходимо, – и не бросала вокруг осторожные взгляды, проверяя, нет ли, случайно, рядом незнакомца. Она как-то по-новому держала голову, выдвинув вперед подбородок и напрягая шею, точно павлин. Она кого-то напомнила Алисе, но кого именно, она не могла вспомнить, однако совершенно точно это был кто-то знакомый, только его имя никак не приходило на ум.

– Мама, и все-таки я не понимаю, почему ты так одета, – сказала Алиса. – Ты выглядишь просто... невероятно.

Домашняя работа, выполненная Элизабет для доктора Ходжеса

У меня в голове было одно: «Мама, только не заговаривай о Роджере. Еще одного удара она не перенесет. У нее просто голова лопнет».

– Ну так вот, дорогая, как я говорила, мы с Роджером демонстрировали сальсу в школе, и в это время пришло сообщение от Элизабет. У меня просто шок был, когда я услышала...

– Ты танцевала сальсу?

– Неужели ты забыла, как мы танцуем сальсу? Я тебе расскажу, ты же сама называла наше последнее выступление незабываемым! Оно было в прошлый четверг! Оливию мы тоже вытащили на паркет, Мадисон и Тома, конечно, не смогли убедить, да и тебя тоже, понятно, Роджер был не очень доволен, но я старалась объяснить...

– Роджер? – спросила Алиса. – А кто такой Роджер?

Домашняя работа, выполненная Элизабет для доктора Ходжеса

О чем это я? Она и пяти минут не может без того, чтобы не вспомнить Роджера.

– Да, конечно, Роджер. Ну не забыла же ты Роджера! Или забыла? – спросила мать и испуганно взглянула на Элизабет. – Это очень серьезно, правда? Я сразу же заметила, что она выглядит слишком бледно. Она буквально как полотно.

Алиса старалась вспомнить имена, похожие на имя Роджер. Род? Роберт? Мать имела привычку слегка исказить их, так что Джейми мог стать у нее Джонни, Сьюзен – Сусанной и так далее.

– Я помню только одного Роджера – отца Ника, – произнесла Алиса со смешком, потому что над отцом Ника всегда подсмеивались.

Мать внимательно взглянула на нее. Прямые черные ресницы придавали ей кукольный вид.

– Роджер, о котором я говорю, дорогая. Мой муж, Роджер...

– Твой муж?

– О, где бы сил взять! – вздохнула Элизабет.

– Мама вышла за Роджера? – Алиса обернулась к ней.

– К сожалению...

– Но... за Роджера? Правда?

– Угу. Правда.

Значит, была еще одна свадьба, на которой гуляла та, другая Алиса, но этой свадьбы она даже вообразить не могла.

Во-первых, ее мать всегда решительно отменяла даже самую возможность встреч с мужчинами. «Стара я для этих штучек, – обычно говорила она. – Чтобы бегать на свидания, надо быть молоденькой и хорошенькой! И потом, любить можно только раз в жизни, как у нас было с вашим отцом. Ну кто может с ним сравниться?» И как ни старались Элизабет с Алисой убедить ее, что она еще молода и вполне привлекательна, что отец вовсе не имел в виду, что она всю жизнь будет скорбеть по нему, в душе Алиса очень гордилась материнской верностью. Это было прекрасно, трогательно, но в то же время и раздражало, потому что теперь Алиса с Элизабет несли ответственность за все ее развлечения.

Что ж, значит, она переборола свою боязнь свиданий. Скорее всего, ею двигало именно это чувство, а вовсе не несокрушимая верность. Но чтобы выйти замуж за отца Ника...

– Но почему же? – беспомощно спросила Алиса. – Почему тебе нужно было выходить за Роджера?

Она подумала: «Все правильно. Это у Роджера такая павлинья манера держать голову».

Барб широко раскрыла глаза и жеманно сжала губы с таким несвойственным ей выражением лица, что Алиса опустила глаза, как будто застала мать за чем-то крайне непристойным.

– Я по уши влюбилась в него. Ты помнишь? Конечно же помнишь! Это началось на крестинах Мадисон, когда Роджер сказал, что хочет записаться на курсы сальсы и спросил, интересно ли это мне, и даже не дал мне возможности сказать «нет», наверное, сразу понял, что я соглашусь, а я не хотела его обижать, чтобы не показаться грубой, и хотя сразу мне было трудно решиться и вообще я собиралась пойти к доктору Холдену, чтобы он мне выписал что-нибудь успокоительное, а вы обе очень из-за этого переживали, как будто боялись, что я стану наркоманкой, а там ерунда просто – чуть-чуть валиума, и все, он так хорошо расслабляет, но попасть к нему я не сумела; ничего удивительного, эта милая Кэтти в регистратуре такая бестолковая, я просто удивляюсь, что с ней случилось...

– Ты давно замужем? – перебила Алиса.

Ее снова охватил ужас оттого, что она не знала абсолютно никаких фактов о собственной жизни. Она чувствовала себя как на американских горках, когда тебя швыряет то влево, то вправо, то перевертывает вверх ногами, отчего все знакомое становится совершенно незнакомым. Алиса терпеть не могла американские горки.

– Да скоро уже пять лет. Ты помнишь свадьбу, Алиса, конечно же помнишь! Мадисон разбрасывала перед нами цветы. Она так очаровательно выглядела в желтом платице, ей вообще желтое очень идет, а ведь мало кому идет желтый цвет, так я на Рождество купила ей желтый топ, только вот будет она его носить или нет – это вопрос...

– Мама! – оборвала ее Элизабет. – Алиса совсем не помнит Мадисон. Она помнит только, как носила ее.

– Не помнит Мадисон... – глухо повторила Барб. Потом глубоко вздохнула и заговорила повышенно-нервным голосом, как будто желая, чтобы Алиса повеселилась над всей этой глупостью. – Ну, я могу понять, что ты хочешь забыть Мадисон, маленькую ворчунью, именно в связи с этим событием, однако я уверена, что скоро у нее это пройдет, но ведь ты помнишь Тома и миленькую Оливию, правда? Впрочем, что за вопрос... Конечно помнишь! Не можешь же ты забыть собственных детей! Это просто... невысказано!

От страха ее голос дрожал, и это почему-то очень утешало Алису. Да, мама, это страшно. Да, это просто невысказано.

– Мама! – повторила Элизабет. – Пожалуйста, постарайся понять. Что было после девяносто восьмого года, она не помнит.

– Ничего?

– Я не сомневаюсь, это скоро пройдет.

– Ну да! Да, конечно, совсем скоро!

Мать погрузилась в молчание и провела ногтем вокруг густо накрашенного рта.

Алиса старалась освоиться с этим новым для себя фактом: «Моя мать замужем за отцом моего мужа...»

Это было так же непреложно, как факты «у меня трое детей» и «мой муж, которого я просто обожаю, больше не живет с нами», но почему-то она забыла обо всем этом.

Это все было неправдой. Это был чудовищный, тщательно продуманный розыгрыш. Сон, на удивление схожий с правдой. Галлюцинация наяву. Кошмар без конца.

Роджер! Что случилось с ее ласковой, осторожной матерью, что она «влюбилась по уши» (и выражение-то не ее!) в какого-то там Роджера? Роджера, с этим ядреным запахом лосьона после бритья, голосом радиокomentатора и манерой говорить «я, типа, думаю...» и «как бы, может быть»? Роджер, который, поддав на семейной вечеринке, зажимал Алису в угол и душил монологами о себе самом и о безграничном восхищении исключительно сложным устройством своей личности. «Спортивного ли я сложения? Да, безусловно. Интеллектуал ли я? Ну, может быть, на доктора философских наук и не потяну. Но поставим вопрос по-другому: обладаю ли я интеллектом? И в таком случае ответ будет положительный: я получил свой диплом в школе настоящей жизни. Вы, Алиса, можете задаться вопросом, имею ли я понятие о духовной жизни. И я, типа, думаю, что ответ должен быть – да, само собой».

В таких случаях Алиса беспомощно кивала, стараясь не дышать, чтобы не задохнуться от запаха лосьона, пока не появлялся Ник и не уводил ее со словами: «Отец, я, типа, думаю, что даме пора и выпить».

А что же сам Ник? Что сказал бы он о таком повороте событий? Его с отцом связывали

очень непонятные и сложные взаимоотношения. За глаза он безжалостно вышучивал его и почти с ненавистью рассказывал, как Роджер обращался с матерью, когда родители расходились. Но Алиса замечала, что в присутствии Роджера голос его звучал глубже, плечи расправлялись и он нередко заводил речь о крупной сделке, обсуждавшейся на работе, или о каком-нибудь своем достижении, совершенно неизвестном Алисе, как будто в глубине души жаждал отцовской похвалы, даже когда гневно, яростно отрицал это.

Алиса никак не могла представить, как бы он отреагировал на такую новость. Получается, что они с Ником породнились? Он стал ее сводным братом! Прежде всего в голову пришло, что они с Ником расхохотались бы из-за этого, точно два идиота, обратили бы все это в игру, весьма прозрачно намекали бы на инцест и воображали бы себя Грегом и Марсией Бреди из допотопного сериала. Но, может быть, это было бы вовсе не так уж забавно. Он мог выражать недовольство от имени своей матери, хотя она, кажется, обращалась с бывшим мужем как с ворчливым дальним родственником.

А «чекушки»? Да-да, чекушки... Чокнутые сестры Ника стали теперь ее сводными сестрами. Такую новость они ни в коем случае не могли принять спокойно; они вообще ничего спокойно не принимали – сразу бледнели, переставали разговаривать друг с другом, обижались на самые невинные замечания. Всегда то одна, то другая из-за чего-нибудь страшно переживала. До знакомства с семьей Ника Алиса даже не подозревала, насколько драматичной может быть семейная жизнь – со всеми этими несметными сестрами, свояченицами, друзьями, тетками, кузинами и кузенами и так далее и тому подобное. Ее собственная тихая, спокойная, миниатюрная семья по сравнению с этим котлом казалась затхлым, скучным болотом.

– Поэтому мы с Ником?.. – спросила Алиса. – Он обиделся потому, что его отец женился на маме?

– Вовсе нет! – К матери вернулась былая энергия. – Ваш развод – страшная загадка для нас всех, но мы с Роджером тут ни при чем! Роджер бы очень расстроился, если бы услышал, что ты об этом даже подумала! Само собой, у Роджера свои взгляды на этот развод...

– Мама с Роджером сошлись десять лет назад, – заговорила Элизабет. – Вы с Ником тогда над этим прикалывались, а «чекушки», само собой, бились в истерике, но со временем все устаканилось, и сейчас это уже абсолютно никого не волнует. Я тебе точно говорю, Алиса, – все, что, кажется, так шокирует, на самом деле не так уж и страшно. Когда память вернется, ты сама над собой посмеешься.

Алиса вовсе не желала возвращаться к той себе, которая не видела ничего шокирующего в разводе с Ником. Она не могла поверить, что мать говорит о разводе как о решенном деле. Даже не деле, а факте.

– Нет, я больше не развожусь, – возразила Алиса. – Нет никакого развода.

– Ах! – воскликнула мать и сложила руки, как для молитвы. – Ах, но это же чудесно...

– Мама, обещай, что ни слова не скажешь об этом ни Роджеру, ни вообще никому, – предостерегла Элизабет. – Она не понимает, что говорит.

– Нет, понимаю, – возразила Алиса. Она чувствовала себя как бы слегка навеселе. – Можешь хоть всему свету рассказывать. И Роджеру. И «чекушкам». И троим нашим детям. Никакого развода не будет. Мы с Ником придумаем, что делать.

– Чудесно! – вскричала Барб. – Я так рада!

– Ты так не скажешь, когда к тебе вернется память, – возразила Элизабет. – Сейчас дело решается в суде. У Джейн Тёрнер станет плохо с сердцем, если ты остановишь это дело.

– Джейн Тёрнер? – переспросила Алиса. – А Джейн Тёрнер тут каким боком?

– Она твой юрист.

– Юрист? Никакой она не юрист! – возразила Алиса и смутно вспомнила, как какой-то молодой человек на работе, отчаявшись переспорить Джейн, сказал: «Вам бы юристом работать», а она заявила: «Да, я тоже так думаю».

– Она уже давно окончила юридический факультет и теперь специализируется на разводах, – сказала Элизабет. – Вот она тебе и помогает... развестись с Ником.

Смехотворно! Глупо! Джейн Тёрнер помогает ей развестись с Ником. «Эта маленькая Джейн далеко пойдёт», – заметил как-то Ник, и Алиса согласилась. Как могла Джейн Тёрнер так втереться в их жизнь?

– А сейчас вы с Ником стараетесь насолить друг другу из-за опекуна, – продолжала Элизабет. – Это очень серьезно.

Насолить... Алиса представила себе, как они с Ником кидаются ложками с солью друг в друга, смеются, вскрикивают, стряхивают ее с себя.

Но в жизни это, наверное, было вовсе не так уж смешно.

– Ладно, с этим тоже покончено, – твердо произнесла Алиса.

С какой это радости она должна хотеть опеки над тремя детьми, которых даже ни разу в жизни не видела! Она-то хотела Ника.

– Не нужно нам солить друг другу, потому что мы не расходимся, и точка.

– Ура! – вскричала мать. – Я так рада, что ты потеряла память! Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

– Тут проблема только одна, правда? – вставила Элизабет.

– И какая же?

– Да такая, что Ник память не потерял.

– Ник? – сказала Алиса.

– Извините, дорогая, это снова я, – ответила медсестра.

Каждый час ее будили, чтобы проверить, посветить фонариком в зрачки и снова и снова задать все те же вопросы.

– Алиса Мэри Лав. Больница Роял-Норт-Шор. Травма головы, – негромко говорила Алиса.

– Отлично. – Медсестра кашлянула. – Извините за беспокойство. Спите, пожалуйста.

Алиса засыпала и видела во сне новых медсестер, которые приходят ее будить.

– Просыпайтесь! Пора на урок сальсы, – говорила одна, в огромной шляпе, которая на самом деле была пирожным профитролем.

– Мне снилось, что мы расходимся, – во сне говорила Алиса Нику, – что у нас трое детей, что мама вышла замуж за твоего отца и что Элизабет очень грустила.

– Какая мне, на хрен, разница? – отвечал Ник.

Алиса охнула и принялась сосать большой палец. Ник убрал с шеи кружок красного конфетти и показал ей.

– Шучу я, шучу! – сказал он.

– Ник... – недоуменно произнесла Алиса.

– Я тебя больше не люблю, потому что ты так и сосешь палец.

– Не сосу! – произнесла Алиса, чуть не умирая со стыда.

– Как вас зовут? – крикнула медсестра, но это была другая, ненастоящая, потому что она подплывала по воздуху, держа в руке связку розовых шариков. Алиса не замечала ее. – Это снова я, – сказала медсестра.

– Ник! – позвала Алиса. – У меня голова болит. Так сильно...

– Это не Ник. Это Сара.

– Вы не настоящая медсестра. Вы мне снится...

– Нет, я настоящая. Пожалуйста, откройте глаза и скажите, как вас зовут.

Домашняя работа, выполненная Элизабет для доктора Ходжеса

Здравствуйтесь, доктор Ходжес, это снова я. Сейчас половина четвертого утра, заснуть совершенно невозможно и кажется, что только другие могут тратить время на такую глупость. Я проснулась с мыслями об Алисе, о том, как она сказала мне: «Ты просто отличная старшая сестра».

Не отличная. Вовсе не отличная.

Мы равнодушны друг к другу – это само собой. Нет, не так. Мы никогда не забывали поздравить друг друга с днем рождения. Мы даже как бы соревновались, чей подарок лучше, как будто между нами шла борьба за роль более щедрой, более заботливой сестры. Мы часто видимся и всегда находим над чем посмеяться. Мы точно такие же, как и миллионы других сестер. Поэтому я даже точно не знаю, о чем говорю. Наверное, вот о чем: это не совсем так, как в молодости. Но такова жизнь, не правда ли, доктор Ходжес? Отношения меняются. И

время тут ни при чем. Спросите Алису! Она так вжилась в роль вечно занятой мамыши из Норт-Шор, будто это какая-нибудь религия.

Может, мне нужно было усилить бдительность? Наверное, как старшая сестра, я была обязана удерживать нас на одном пути.

Но последние семь лет я сама продержалась только потому, что сильнее и сильнее затягивала себя, вроде как пакет затягивают бечевкой. И теперь я затянута так сильно, что если и говорю о чем-нибудь, кроме того, как правильно составлять письма прямой рассылки, то чувствую, будто меня что-то душит, будто даже рот у меня не открывается так, как положено для хорошей, непринужденной беседы.

Причина тут одна – гнев. Он никогда не утихает, и порой я даже не осознаю его. Если я нечаянно раню себя, роняю тарелку черники, да так, что она раскатывается по всей кухне, я буквально вскипаю, как молоко. Слышали бы вы, как я вопила, когда вчера стукнулась лбом об открытую дверцу шкафа, пока вынимала тарелки из посудомоечной машины! Я сидела на полу, прислонившись спиной к холодильнику, и рыдала минут двадцать. Стыд и срам!

До того как Алиса с Ником разбежались, при разговорах с ней на языке у меня, бывало, вертелись непозволительные слова вроде: «Ты думаешь, что весь мир вращается вокруг тебя, твоего превосходного маленького семейства и твоей превосходной маленькой жизни, и самый сложный жизненный выбор для тебя – это цвет подушек для твоей новой софы за десять тысяч долларов!»

Мне очень хочется записать все эти мелочи – так они противны и даже неправдоподобны. Я о них вообще никогда не думаю, но могла бы о них говорить, в этом случае мы обе точно этого не забыли бы. Поэтому безопаснее было молчать и притворяться. Она знала, что я притворяюсь, и притворялась тоже, и потом, мы забыли, как быть настоящими наедине друг с другом.

Вот почему, когда она позвонила мне и сказала, что Ник уехал, для меня это прозвучало так, будто кто-то умер. Мне и в голову не приходило, я даже не могла подумать, что у них могут быть проблемы. Это неопровержимо доказывало, что секретами мы больше не делимся. Мне следовало бы знать, что творится у нее в жизни. Она могла бы попросить у меня мудрого сестринского совета. Но она не стала этого делать. Значит, она подвела меня так же, как я ее.

И вот почему, когда я узнала эту новость о Джине, то не могла сообразить, как поступить правильно. Позвонить Алисе? Или поехать прямо так, без звонка? Или все же сначала позвонить и спросить? Я не могла предугадать, чего захочет Алиса. Я переживала из-за того, как вести себя, словно речь шла о малознакомой мне женщине. И само собой, нужно было наплевать на все и кинуться прямо к ней. Что же со мной произошло, что я вообще задумалась об этом?

Когда мы выходили из больницы, мать сказала мне робким, совершенно не своим голосом: «По-моему, она и о Джине ничего не помнит?» И я ответила: «По-моему, да». Обе мы не знали, что об этом сказать.

Как найти, с чего все началось, и размотать весь этот клубок? Разобраться в хитросплетениях телефонных звонков, рождественских вечеров, детских праздников, вернуться к самому началу, когда мы были всего лишь Алисой и Либби Джонс? Вы знаете как, доктор Ходжес?

Ну ладно... Может быть, попробую заснуть.

Нет, не получается. Не могу даже изобразить зевок.

Завтра я забираю Алису из больницы и везу домой. Мне сказали, ее выпишут около десяти утра. Кажется, она приняла как само собой разумеющееся, что это сделаю именно я. Будь она такой же, как раньше, то ни за что не стала бы на меня полагаться. Она принимает услуги только от мамаш, с которыми вместе водит детей в школу, потому что на них можно ответить массовым собранием чужих детей у себя дома.

[Купить полную версию книги](#)